

The background of the book cover is a dramatic, atmospheric scene. It features a large, pale, circular celestial body, possibly a moon or a planet, partially obscured by dark, billowing clouds. Below the clouds, a dark silhouette of a city skyline is visible, with several tall buildings. The entire scene is reflected in a body of water at the bottom, creating a symmetrical effect. The overall color palette is dark and moody, with shades of blue, grey, and black, accented by the light from the celestial body and the reflection in the water.

Василий Арсеньев

Путь к Свету

18+

Василий Арсеньев

Путь к Свету

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54871482

SelfPub; 2022

Аннотация

В последние десятилетия мир стремительно меняется. Кажется, само время ускоряется. Каким станет этот мир в недалеком будущем? Что нас ждет? Новый прорыв в технологиях, полеты на Луну, широкое применение роботов... А что если посмотреть на это будущее глазами незаурядного человека, ставшего правителем великой страны? Такого как Андрей Романов. Ему предстоит пройти через нелегкие испытания, пережить ядерную войну и остановиться в преддверии Апокалипсиса... Роман «Путь к Свету» открывает цикл книг, повествующих о жизни в мире будущего и поисках ответов на извечные вопросы бытия.

Содержание

Пролог	5
Книга первая. Начало пути	19
Глава первая. Необычный мальчик	19
Глава вторая. Первая любовь	36
Глава третья. Лучшее время жизни	52
Глава четвёртая. Истина	75
Глава пятая. В армии	98
Книга вторая. На пути к власти	112
Глава первая. Москва и москвичи	112
Глава вторая. Первая встреча	132
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Василий Арсеньев

Путь к Свету

*Пал Вавилон, город великий,
потому что он яростным вином
блуда своего напоил все народы.
Откровение Иоанна Богослова 14: 8*

*Но хотя бы ты, как орёл,
Поднялся высоко и среди звёзд
Устроил гнездо твоё, то и оттуда
Я низрину тебя, говорит Господь.
Книга пророка Авдия 1: 4*

Пролог

2060 год от Рождества Христова

Андрей Романов стоял у окна с решёткой и мрачным невидящим взором глядел в пустоту. Косой мелкий дождь стучал по стеклу.

– Убийца! Смерть тирану! – злобные голоса врывались издалека в его сознание, поглощённое мыслями о прошлом. Он вспомнил катастрофу первого дня войны, но вины своей не смог признать... В его памяти воскрес образ друга, которого он предал и обрёк на гибель. Андрей Романов качнул головой, прогоняя от себя болезненные воспоминания, и перенёсся в счастливое беззаботное детство...

Скрипнула дверь за спиной. Он обернулся и увидел надзирателя Джона. «Пора, Ваше Величество! Настал последний судный день...» – ухмыльнулся англичанин. Седовласый мужчина с густой чёрной бородкой, сложив руки за спиной, покинул камеру.

В сопровождении Джона он шёл по мрачным коридорам лондонской тюрьмы... Отворилась решетчатая дверь. Андрей Романов встретился взглядом с тюремщиком, в глазах которого сверкнуло обычное злорадство. Джон передал его конвоирам. На лифте они стремительно спустились под землю (во времена войны был прорыт тоннель, связавший государственные учреждения королевства секретной веткой мет-

рополитена).

«Они не понимают, что делают моё имя бессмертным!» – подумал Андрей Романов и шагнул в вагон скоростного поезда.

Без малого месяц его под конвоем доставляли в здание Верховного суда, где проходил закрытый процесс. Он садился на скамейку подсудимых и мрачным взором оглядывал зал, встречая полные ненависти глаза людей, которые считали его виновником всех своих бед. К трибуне один за другим подходили многочисленные свидетели обвинения.

– Вся моя семья погибла под той бомбой, – рассказывал убитый горем мужчина. – Жена и двое детей: сын Брайан и восьмимесячная дочь Эмили.

Андрей Романов насторожился, услышав это имя.

– Мы жили на окраине города, – продолжал свидетель. – Поблизости – ни одного военного объекта... Их не стало в один миг. Почему я не умер вместе с ними?!

Такие истории ранили сердце Андрея Романова. Ему было неприятно выслушивать оскорбления в свой адрес. Одна женщина, потерявшая сыновей на той войне,хватила пистолет и выстрелила в него...

По счастью, она промахнулась, и у неё тотчас отобрали оружие.

Когда прокурор произносил свою речь, Андрей Романов думал о ребёнке, которого родила предавшая его женщина.

Он поймал себя на мысли, что не чувствует к ней ненависти. Бог всем судья!

«Предатель достоин лишь жалости, ибо нет греха более тяжкого, чем измена!» – вздохнул Андрей Романов и вспомнил тот день, когда на суд из России приехали его бывшие соратники и, в их числе, премьер Алексеев. Тот поначалу избегал его взгляда, но вскоре осмелел, кричал и размахивал руками:

– Он много раз признавался в ненависти к англоязычному миру, а незадолго до атомных бомбардировок Америки созвал заседание Совета Безопасности и сказал дословно следующее: «Пора покончить с этими подлыми империалистами».

– Ты меня в коммунисты записал?! – возмутился Андрей Романов и громко рассмеялся. Раскаты хохота долго сотрясали своды зала...

И вот, настал последний день суда. Он привычно сел на своё место, огляделся по сторонам и увидел прокурора, который накануне сравнил его с Гитлером. Народа в зале на сей раз не было. Пока судья оглашал приговор, Андрей Романов перенёсся в далёкое прошлое, где плескались воды Урала, и сияла улыбка на лице прекрасной девушки с золотистыми волосами, но картинка вскоре изменилась: теперь он стоит на перекрёстке и видит браслетик на руке, что высунулась из-под белого покрывала...

Больно кольнуло в груди его, но тотчас подоспел ещё один удар.

– Пожизненное заключение на лунной станции! – провозгласил судья. Так решил английский премьер-министр накануне: «Пусть он живёт, мучается и знает, что никто его не спасёт!»

– Не может быть, – растерянно пробормотал Андрей Романов, не желая верить своим ушам. – Подлая нация! Им недостаточно моих унижений...

В тюремной камере он, наконец-то, остался один. Было темно, за окном стояла тишина... благословенная тишина. Он упал на кровать и закрыл глаза, мечтая забыться сном, но мысли не отпускали его. В последнее время он желал лишь одного – покоя...

«Похоже, свою горькую чашу страданий я ещё не испил до дна, – невесело заключил он. – Но на этом пути я должен во что бы то ни стало сохранить мужество!»

Андрей Романов едва задремал, когда надзиратель Джон потряс за плечо его:

– Вставайте, Ваше Величество, вы отправляетесь на небеса.

Андрей Романов привык к шуточкам англичанина и ничего не ответил ему.

Он покинул здание тюрьмы и шёл по улице, освещённой фонарями, – под охраной взвода конвоиров в бронекастюмах и чёрных масках. Они оглядывались по сторонам...

Вдруг резкий звук пронзил его слух: нечто смертельно опасное просвистело над головой, и он упал на землю под тяжестью навалившихся охранников. В тот миг его жизнь снова висела на волоске, но конвоиры словно знали, что в него будут стрелять...

Впоследствии визит незваного гостя приоткроет завесу этой тайны. Тогда ранним утром скрипнула дверь камеры. Он открыл глаза и взгляделся в темноту. Чёрный мужской силуэт замер на месте.

– Кто вы? – спросил Андрей Романов по-английски.

– Ваше Величество, я сопровождал вас, – отвечал гость по-русски. – Помните командира взвода конвоиров?

Андрей Романов признал его по голосу:

– Зачем вы здесь?

– Я русский разведчик...

– Это ясно.

– Я знал о подготовке покушения на вас. Наши люди помешали киллеру!

– Вы пришли, чтобы освободить меня?

– Да, Андрей Владимирович, – сказал спаситель. – Алексеев довёл страну до краха. Вы нужны России!

Но это будет чуть позднее, а пока Андрей Романов пробежал по ночной улице, сел в бронированный микроавтобус и, наконец, смог отдышаться. Они выехали из города и в густом тумане долго добирались до космодрома...

На освещённой взлетно-посадочной площадке горделиво красовался великолепный шаттл. По трапу они поднялись в космический корабль. В первом отсеке всё было заставлено деревянными коробками, прикреплёнными к палубе тяжёлыми железными цепями. «Шаттл грузовой», – подумал Андрей Романов и усмехнулся. В последнем отсеке перед кабиной пилотов он уселся в высокое кресло, и ремни автоматически стянули его тело.

Космические путешественники переносили колоссальные нагрузки и, как правило, проходили месячную подготовку на Земле, но для заключённых английское правительство делало исключение. Неудивительно, что многие из них погибали по пути на станцию, а их тела погребали в лунном грунте...

Андрей Романов в далёком сороковом году проходил подготовку для полёта на Луну, но с тех пор много воды утекло. В первые мгновения полёта детское чувство радости овладело им, но время не прошло даром, – набор высоты показался чудовищно долгим, и душу его сковал ужас; давление резко поднялось, голова закружилась. Он страдал и не мог позвать на помощь. «Господи, когда же это кончится?!» – взмолился

он про себя.

Тем временем, термоядерный двигатель разогнал шаттл до второй космической скорости. Корабль вырвался из гравитационных объятий родной планеты и устремился ввысь. Андрей Романов смог немного перевести дух...

Путешествие подходило к концу. Шаттл совершил посадку на английской станции в районе лунного моря Спокойствия. Путешественники сходили по трапу внутри космопорта...

Космопорт был одной из пяти зон лунной станции с тоннелями, проложенными под поверхностью Луны. Андрей Романов оглянулся по сторонам и мрачно подумал: «Никого! Никакого уважения...» Они шли по ангару, где находились машины для переработки лунного грунта, спустились на лифте вниз, сели в вагон поезда и вскоре очутились в жилой зоне №2, где конвоиры передали заключённого представителю местной власти – лейтенанту Ховарду. Тюремщик надел на ногу узника электронный браслет и проводил его в камеру – это была довольно просторная комната с чистым санузлом. Тогда Андрей Романов попросил книги, и ему принесли Библию...

В тот момент, когда он дочитывал книгу «Исход», вошёл лейтенант Ховард и сказал как будто смущённо:

– С вами хотят поговорить.

– Кто?

– Человек, которого я уважаю. Он сказал, что знает вас...

Андрей Романов с лейтенантом Ховардом поднялись наверх и оказались в грандиозном куполообразном сооружении ботанического сада. Пальмы, кипарисы, сосны, кедр, берёзы, бамбуковые заросли, плодовые деревья, кустарники, радующие глаз своими прекрасными цветками, – в общем, великое многообразие растений со всего земного шара обрело новый дом на Луне!

Андрей Романов поднял голову кверху и в прозрачном куполе увидел голубое пятно. (Это была Земля... далёкая и маленькая планета!) Он шёл вдоль берёзовой аллеи, и на мгновение почудилось ему, будто в родном городе А. гуляет по лесу у дома. Но когда опомнился, его охватила тоска, и слёзы блеснули в глазах его. Прозвучал знакомый тёплый голос с сильным акцентом: «Здравствуйте, Ваше Величество». Тогда он обернулся и увидел бывшего министра иностранных дел Великобритании Пола Смита.

Они познакомились ещё до войны на саммите стран двадцатки, проходившем в новой российской столице. Вскоре Пол Смит был направлен послом в Россию и однажды сказал русскому царю:

– Ваше Величество, мир катится в пучину новой войны! Но ещё не перея́дён Рубикон. В ваших руках жизни милли-

онов людей...

— Если бы всё в этом мире зависело лишь от нас с вами, — грустно улыбнулся Андрей Романов. — Я тоже чувствую — грядёт буря, но мы не в силах её предотвратить...

Деловые встречи вылились в крепкую дружбу. Они по-долгу беседовали на политические и религиозные темы. Но вскоре Пол Смит был отозван в Лондон и оказался в заточении...

Они не виделись без малого десять лет и теперь обнялись по-дружески.

— Как ты постарел! — воскликнул Андрей Романов, оглядывая англичанина. Тот грустно улыбнулся:

— И вы не помолодели, Андрей Владимирович.

— Не сравнивай, — усмехнулся Андрей Романов, — ведь я старше тебя на тридцать лет! Однако омолаживающие процедуры давно не проходил и скоро превращусь в дряхлого старика, каким мне и подобает быть по возрасту. Впрочем... Лучше скажи, как ты здесь оказался?

— Меня посадили в тюрьму по сфабрикованному делу, — вздохнул Пол Смит. — После отзыва из России я чувствовал, что моей карьере приходит конец. Меня травил журналисты, клеймили предателем по телевидению, в коридорах департамента, в конце концов, уволили с государственной службы, но моим недругам этого было мало. Я проявил слабость, которую до сих пор не могу себе простить...

Маргарет с детьми уехала к своей матери за город, а я напился впервые за много лет. И тогда в дверь позвонили, я пошёл открывать... и увидел ту актрису. Хелен Стюарт, – кажется, так её звали. Говорят, красота спасёт мир, но до сих пор она только приближала его к пропасти! Хелен была женщиной ослепительной красоты. И теперь она в коротком платье, с обнажёнными плечами стояла предо мной. «Что же вы держите меня в дверях?» – нетерпеливо спросила она и, не дождавшись позволения, исчезла в моей гостиной. Когда я вошёл, увидел её обнажённой и потерял голову...

– А что Маргарет и дети? – спросил Андрей Романов.

– Все эти годы я только о них и думаю! Я рассказал Маргарет всю правду... – вздохнул Пол Смит. – Она горько плакала и поначалу не хотела со мной разговаривать. Когда же я оказался в тюрьме, она пришла на свидание и сказала, что прощает меня. Во время войны меня обвинили в государственной измене и забросили на Луну...

– Ваше правосудие исполнено лицемерия, – заметил Андрей Романов («И не только правосудие», – подумал он про себя). – Они обрекают нас на смерть, создавая образ цивилизованности. Казнь была бы много гуманнее! Отправили прозябать на Луну, надели на нас электрические браслеты. А сами боятся нас! Но как ты узнал обо мне?

– Вчера ко мне приходил человек в чёрной форме: он мне всё и рассказал. А Джеймс Ховард – мой старинный приятель, мы с ним вместе учились в Оксфорде...

В этот миг лейтенант Ховард, – лёгок на помине, – появился с испуганным видом и подал знак: Пол тотчас скрылся за кипарисами. Вскоре Андрей Романов удостоился великой чести лицезреть самого генерала Ричарда Андерсена, наместника английской короны на лунной станции...

В начале 2051 года бизнесмен Ричард Андерсен жил в шотландском Эдинбурге и вовсе не помышлял о военной карьере. У него была невеста по имени Кэтрин. Но все планы на жизнь молодого человека вмиг рухнули с началом войны...

Он шёл по мощёным улочкам Старого Эдинбурга, чувствовал нежное прикосновение руки и украдкой поглядывал на счастливое лицо любимой девушки. Один самолёт, одна бомба, один взрыв... Когда дым рассеялся, контуженный Ричард нашёл на мостовой, залитой кровью, мёртвое тело своей возлюбленной.

В тот день он поклялся отомстить русским и вскоре ушёл на войну добровольцем. Ричард искал смерть в бою, а находил гибель своих товарищей. Он первым бросался в атаку, лез в самое пекло, но пули упрямо летели мимо и снаряды рвались вдали от него. В скором времени Ричард дослужился до капитана. Но звания и награды не радовали его. Он проклинал свою судьбу, ненавидел русских, но более всего – самого себя. После выхода Британии из войны поступил на

службу в армию США; вскоре стал бригадным генералом и лично вёл своих солдат в бой, ни разу не будучи ранен.

После войны Ричард Андерсен вернулся в Британию, где по популярности превосходил самого премьер-министра; на родине в Эдинбурге о нём слагали легенды! Но народная любовь сыграла с ним злую шутку. Его отправили наместником на секретную английскую лунную базу...

За год пребывания Андерсена на лунной станции вдвое вырос объём добычи полезных ископаемых, станцию расширили за счёт новой производственной зоны, но своим главным достижением он считал грандиозный ботанический сад.

Ричард Андерсен был молод, но выглядел гораздо старше своих лет; его красивое мужественное лицо выражало каменную решимость и, казалось, давным-давно забыло, что такое улыбка...

Враги, молча, глядели друг на друга. Генерал первым нарушил тишину.

– У вас есть какие-нибудь претензии или пожелания? – грубо пробасил он.

– Нет, мне всё здесь нравится. Я не ожидал таких условий содержания.

– Я очень рад, – небрежно обронил генерал. – А как вам моё детище – этот уголок живой природы? Не правда ли, воздух тут чудесный? Как дома... – на мгновение его глаза заблистали, но тотчас, опомнившись, он помрачнел, подошёл

к пленнику вплотную и сказал вполголоса:

– Ты за всё ответишь, ублюдок! Я тебе это обещаю... Ты уже покойник!

– Я готов к смерти, – смиренно промолвил Андрей Романов.

Генерал Андерсен окинул своего пленника испытующим взглядом, но не нашёл на лице его и намёка на испуг.

– Если вам что-нибудь понадобится, достаточно нажать кнопку на стене камеры, – громко сказал он и ретировался. Андрей Романов вернулся назад в свою камеру. И тогда, не теряя времени даром, он решил написать книгу мемуаров (вполне отдавая себе отчёт, что она, скорее всего, никогда не выйдет в свет) и нажал кнопку на стене камеры: вскоре, как джинн из волшебной лампы, появился лейтенант Ховард.

– Мне нужна общая тетрадь и ручка. Генерал говорил, я могу просить всё, что нужно.

Лейтенант Ховард решил не рисковать и доложил начальству о просьбе русского заключённого. Ричард Андерсен вошёл в камеру и огляделся по сторонам, с удивлением заметив, что кругом чистота и порядок.

– Неужели книгу хотите писать? – усмехнулся он.

– Да, – отвечал Андрей Романов.

– Что ж, это ваше право! – повёл плечами генерал и сказал лейтенанту Ховарду. – Выдайте ему всё, что он просит...

Андрей Романов прошёл длинный и трудный путь, полный ошибок и потерь. Обладая незаурядными способностями, он испытал в своей жизни всё: взлёты и падения, победы и поражения, муки любви и одиночества, дружбу и предательство; боль раскаяния за то зло, что невольно нёс людям. Судьба преподнесла ему самое тяжкое испытание – властью, той, что превращает сильных в слабых и лишает собственной воли. Его необычная жизнь, его служение Отчизне, – об этом пойдёт речь далее. Он сам поведёт Вас по пути к Свету...

Книга первая. Начало пути

Глава первая. Необычный мальчик

К концу двадцатого века цивилизация достигла апогея своего развития. Учёные указали место человека в классификации животного мира, проникли в атом и заглянули в далёкие галактики, посмеиваясь над гипотезами о внеземном происхождении жизни. За аксиому возвели, что жизнь человека подчинена общим законам природы и, стало быть, нацелена на удовлетворение насущных потребностей...

Родился я в городе А. на севере Оренбургской области РСФСР в семье чиновника и школьной учительницы. Однажды, будучи уже взрослым человеком, перебирая свои вещи, я на старой пожелтевшей фотографии увидел молодую женщину с голубыми глазами и ямочками на щеках. Мама была настоящей русской красавицей! На обороте я прочёл: 1987 год. Это было то самое благословенное время, известное всем молодым семьям, когда весело струится источник любви, и он ещё не превратился в реку обыденности...

Мама обрела своё счастье и не жалела о переезде из Новосибирска, где прошло её детство и остались непростые воспоминания. Она работала с удивительной лёгкостью, люби-

ла своих первоклашек, и дети отвечали ей взаимностью. Она жила в своём сокровенном мире. Даже перемены в стране не пугали её. Она знала, что всё будет хорошо, потому что рядом муж: за ним как за каменной стеной! Бледная тень болезни ещё не легла на лицо её... Она уверенной поступью шла по жизни и одаривала прохожих своею очаровательной улыбкой.

Родители жили на окраине города А. неподалёку от берёзовой рощи. И вот настала благодатная летняя пора, в школе начались каникулы. В погожий солнечный день мама в весёлом настроении шла в лес по ягоды и вдруг увидела нескольких цыган на опушке. Она свернула в сторону, ускоряя шаг, но её догнала смуглая цыганка в ярком пёстром платье и, следуя по пятам, без умолку приговаривала:

– Красавица, не хочешь узнать, что ждёт тебя и мужа твоего в будущем?

Наконец, мама остановилась. Цыганка взяла её руку и улыбнулась:

– Красавица, да ты ждешь ребенка!

– Ты ошибаешься, – мрачно возразила мама.

Цыганка вдруг переменилась в лице и, глядя куда-то вдаль невидящим взором, сказала:

– Родится мальчик. И это будет весьма необычный ребёнок. Он станет орудием судьбы... – она побледнела и умолкла на полуслове.

– Что? – спросила мама.

– Я не могу всего сказать... – смутилась цыганка.

– Что вы видели? Скажите, я заплачу.

Цыганка пребывала в раздумьях и заговорила не сразу:

– Я видела гибель людей. Многих людей... В огненном столбе! Воспитайте своего сына равнодушным человеком, женщина, – крикнула она, убегая к своим сородичам. Мама недоуменно пожала плечами, продолжая свой путь, и вспомнила о цыганке, когда поняла, что, и в самом деле, беременна. «Как она узнала? Неужели всё правда?» – эти вопросы привели её на опушку леса. Но цыгане исчезли, оставив после себя потухший костёр и гору мусора...

Подчас один-единственный случай способен перевернуть всю жизнь человека! На волне массового пробуждения интереса к религии мама начала изучать духовную литературу и однажды решила прийти в храм. Она изменилась: стало меньше слов, улыбок и смеха. Отец объяснял это беременностью и думал, что со временем всё вернётся на круги своя. Но она уже не будет прежней!

Начались лихие 90-е... Союз пал... Это была катастрофа! Разруха в головах, «парад суверенитетов», безудержный рост цен и стагнация. Зарплаты рабочие не видят месяцами, государство уходит из экономики, но «свято место пусто не

бывает»; криминал захватывает рынки и сферу услуг. Населению дарована свобода, но отнято благополучие застойного советского времени. В жизнь людей с новым мышлением ворвались голливудские фильмы, американские жвачки, конфеты в красивых ярких обёртках, джинсы и бейсболки. Молодёжь с головой окунулась в свободу, не стремясь к знаниям и пренебрегая прошлым своего народа. В Америке «секс, наркотики, рок-н-ролл» были смыслом жизни в 70-х, а Россия вкусила запретные плоды Запада в 90-е годы. Искушения захлестнули волнами народ пуританских нравов...

Когда я думаю о том времени, отчего-то всплывает в памяти картина расстрела «Белого дома» из танков, случайно увиденная мною в выпуске новостей от октября 93-го года. По мере взросления в моей душе копилась обида... обида за Родину, которую топтали ногами все кому не лень: иностранцы, что праздновали победу в «Холодной войне», и сами русские, потерявшие веру в себя и свою страну. Одни уезжали, другие спивались, третьи – ожесточались и замыкались в себе...

Впрочем, приобщение к запретным плодам западной культуры началось отнюдь не в 90-е годы. Думать, как известно, не запретишь! Не всем гражданам Советской России нравилась роль безгласных строителей коммунизма, которую им отвели по умолчанию. Интеллигенты, что посмелее, подались в диссиденты, но грань между патриотизмом и предательством подчас слишком тонка...

Одно поколение молодёжи на волне «оттепели», последовавшей за смертью вождя всех народов, стремилось стильно одеваться и развлекаться, следующие поколения – от скуки жизни всё более раскрепощались. Сквозь помехи в радиоприёмниках доносился «Голос Америки». Магнитные кассеты с песнями Битлз – мечта молодого советского человека! Из-за границы веяло духом свободы и счастья. Так, рождался образ цивилизованного Запада, где исполняются все желания, нет цензуры и всесильных органов безопасности. Рай на земле, коммунизм, которого обещали, но не построили советские вожди к 80-му году. Пал авторитет власти, забывались прошлые победы, обнажилась пустота советской жизни и ограниченность идеологии марксизма-ленинизма. Мы поверили в западную сказку и вышли из плена, но по пути к новой мечте увязли в болоте! Советская империя ушла в небытие, едва пошатнулся строй, что держался на посплинной свободе...

Я привыкал к труду с самого раннего детства. Мама учила меня иностранным языкам: в шесть лет я уже бегло говорил по-английски и немного понимал по-французски. Она читала мне рассказы о наших великих предках, об их тяжкой жизни, полной подвигов и лишений. Она говорила мне о Боге... с таким чувством, что я плакал от умиления. Я учил на-

изусть Евангелия, – подчас ленился, но она и слушать моих капризов не хотела, тащила меня в тёмный чулан, где я ревел, забившись в угол, а потом просил прощения у неё. Вместе с тем мама осталась в моей памяти удивительно добрым человеком; её забота была деятельной – она готовила меня к взрослой жизни и всю себя посвящала моему воспитанию, – даже уволилась с работы, чтобы заниматься со мной. Отец не понимал её, а в предсказание «какой-то там цыганки» не верил.

В те дни река обыденности захлестнула моих родителей волнами ссор...

– Зачем ты забрала его из сада? – кричал отец. – Сколько раз тебе говорить – он вырастет дикарём!

– От других детей он научится только плохому, – возражала мама. – Как ты не видишь, что он особенный!

– Ребёнку, пусть и особенному, прежде всего, нужно общение со сверстниками.

– Ты не понимаешь, Владимир... – со вздохом сокрушалась мама.

– Если я такой непонятливый, почему ты вышла за меня замуж? – вспыхивал отец, но, в конце концов, мирился с её чудачествами.

Тогда я жил в плену своих детских иллюзий. Папины знакомые одаривали игрушками и хвалили меня, и я думал, что всем интересен. Если бы мне сказали, что это не так, я бы

ни за что не поверил!

Я обижался на маму за строгость, но сколько раз за свою дальнейшую жизнь вспоминал её благодарным словом! Помню, однажды она прочитала мне отрывок из «Откровения Иоанна Богослова». Я ничего не понял в этом странном тексте, сплошь наполненном аллегориями.

– Сыночек мой, – говорила она, и печаль легла на бледное лицо её, – очень важно, чтобы ты вырос хорошим человеком... равнодушным, чтобы не было злобы и ненависти в сердце твоём.

Я улыбнулся и заметил мрачное выражение её лица:

– Мамочка, я тебя никогда не огорчу!

Среда формируют личность человека...

Я рос домашним ребёнком, но всё изменилось, когда мне исполнилось семь лет. Мама не хотела отдавать меня в начальную школу. Я умел писать и читать на русском и ещё на двух европейских языках.

– Я сама его всему научу, – горячо говорила она. Но отец настоял на своём и, громко стукнув кулаком по столу, объявил:

– Хватит ему прятаться за твою юбку!

И я пошёл в первый класс. Учителя дивились моим познаниям; их похвалы поначалу радовали меня. Но вскоре я заметил, что одноклассники сторонятся меня на перемене,

посмеиваются надо мной, а то и вовсе лезут с кулаками. И рассказал об этом матери, она грустно вздохнула:

– Андрушенька, ты не такой, как все, и не должен стыдиться этого! Запомни: твои способности причинят тебе немало страдания, но не позволяй в сердце твоё входить злобе и отчаянию, прежде думай об общем благе, а потом о своём личном...

Она говорила со мной как со взрослым, а я не понимал её... Вскоре отец добился моего перевода в школу для одарённых детей, где разница в знаниях была не столь заметной. Обладая превосходной памятью, я учился с удовольствием и всё схватывал на лету. У меня появились друзья, и я открыл для себя новый увлекательный мир. Я всё больше времени проводил на улице и не замечал того, что происходит с матерью...

Она вышла на работу. Но чего ей это стоило?! С бледной тенью усталости на лице она приходила домой, готовила обед и в бессилии падала на кровать. Я не видел, как она горстями пьёт лекарства, и не слышал, как время от времени стонет от боли. Она не жаловалась, не любила больницы и занималась самолечением. Но обезболивающие препараты мало помогали, и с каждым днём ей становилось только хуже...

Отец приходил домой поздно вечером и не сразу забил тревогу. Однажды посреди ночи его разбудил крик, – это

был душераздирающий вопль, будто взревел дикий раненый зверь. Он тотчас вызвал скорую...

– Требуется обследование. В ЦРБ нет нужной аппаратуры. Советую вам обратиться в областную больницу, – вот и всё, что сказал врач, потом выписал какие-то лекарства и уехал.

Отец, несмотря на возражения матери, повёз её в Оренбург на обследование. А у меня загорелись глаза: «Свобода!» В те дни я прогуливал занятия и гонял с ребятами мяч по полю возле леса. Но вскоре моя жизнь изменится в одночасье...

Рано утром раздался звонок в дверь... На улице было темно и холодно. Я нехотя встал из тёплой постели и пошёл открывать. При виде родителей я скривил губы в приветливой улыбке. Отец своё лицо старательно прятал от меня, у мамы в глазах стояли слёзы... Меня кольнуло в сердце нехорошее предчувствие, но я не задумываясь пошёл в спальню.

– Постой, – остановил меня отец. – Мне надо поговорить с тобой...

«Неужели они всё знают?» – подумал я, вспомнив о своих прогулах. Я вошёл вслед за отцом в гостиную, где он, сдерживая слёзы, говорил дрожащим голосом:

– Ты уже большой и всё понимаешь! Скрывать от тебя я не вправе. Андрюша, мы с тобой должны быть сильными! Твоей мамы скоро не станет...

В областной больнице поставили страшный диагноз – опухоль мозга и направили в онкологический диспансер. Прогноз был неутешительный – операцию пациентка не перенесёт. Отец дошёл до главврача. Тот покачал головой, взглянув на томограмму:

– Опухоль слишком разрослась...

– Но разве рак не лечится?! – в негодовании вскричал отец.

– Лечится... на ранних стадиях. Своевременно поставленный диагноз – залог успешной борьбы с болезнью! Вы поздно подняли тревогу... Вы настаиваете на операции, но должен вас предупредить – нет гарантии того, что она не умрёт прямо на операционном столе.

– Сколько ей осталось? – голос отца дрогнул.

– Два-три месяца, при надлежащем уходе – до полугода. Мой вам совет: поезжайте домой и ухаживайте за женой. Я выпишу лекарства, которые облегчат её страдания...

Отец вернулся в палату к матери.

– Главврач сказал, что есть надежда – операция... – сказал он и попытался улыбнуться. Мама окинула его печальным взглядом и покачала головой:

– Нет, Володя, это меня не спасёт...

– Надо попробовать, Лиза!

– Послушай меня, Володя, хотя бы сейчас. Я чувствую, что умираю, и мне никто не поможет. Пообещай мне...

– Что? – спросил отец и прослезился.

– Андрюша, – я боюсь за него! Он особенный, ему предсказано большое будущее, но он ещё такой маленький. Ты должен воспитать его человеком равнодушным.

– Обещаю, милая моя, – он прижал её к груди и всхлипнул.

Моё сердце сжалось от боли при мысли, что я потеряю её; не дослушав сбивчивого рассказа отца, я бегом бросился в родительскую спальню, прижался к матери мокрым от слёз лицом и рыдал, будучи не в силах остановиться.

– Мамочка, скажи, что ты всегда будешь со мной, – просил я шёпотом. – Я не смогу жить без тебя...

В глазах её блестели слёзы, и после безуспешных попыток успокоить меня она строго выговорила:

– Ты должен быть сильным, Андрей! Ты же не хочешь огорчить меня, правда?

Помню, как после учёбы шёл в спальню, ложился на кровать, глядел на спящую маму, на её бледное осунувшееся лицо с чёрными кругами под глазами и тихонько гладил по голове, стараясь не потревожить её. Она просыпалась и шеп-

тала глухим дрожащим голосом свои наставления, но подчас стоны вырывались из груди её. Мне хотелось плакать, но, чтобы не огорчать её, я сдерживал подступающие к глазам слёзы...

– Андрюшенька, выбирай душой и сердцем друзей, – говорила она, – которые способны сделать тебя лучше. Помни – настоящий друг познаётся в беде. Живи по совести, никого не обижай напрасно, не проходи мимо чужой беды. Обещай мне, мальчик мой... когда вырастешь и станешь тем, кем тебе суждено быть, не допустишь кровопролития и гибели людей!

Я обещал, тихо всхлипывая. Много лет спустя в решающий миг, когда судьба мира висела на волоске, я вспомнил её слова и повторял про себя: «Прости меня, мама. Прости, я не сдержал своего слова...»

Однажды она не отозвалась на моё приветствие и не отвечала на мои расспросы. Слезинка выпала и покатилась по ее лицу. Болезнь парализовала её. Отец взял отпуск, чтобы ухаживать за нею; он готовил и убирал в доме...

Проходили дни, пробегали недели, пролетели месяцы. День, когда её не стало, я помню до сих пор в мельчайших подробностях. Солнце заглянуло в мою комнату. Я открыл глаза и прислушался. Из-за двери доносились голоса и шаги. Какая-то особенная суэта царила спозаранку в доме на-

шем...

Я вбежал в родительскую спальню и бросился к матери. Она лежала на кровати с закрытыми глазами и была бледна как мел. На моё плечо легла тяжёлая рука, я обернулся и встретил потерянный взгляд отца.

— Мама умерла, сынок... — сказал он, и слёзы блеснули в глазах его.

— Нет, этого не может быть! — завопил я, вырвался из его объятий и подбежал к матери. Я прикоснулся к её руке, и холод пробежал по моему телу. Я испугался и отпрянул в сторону; с криком выбежал в коридор, пронёсся мимо трюмо с зеркалом, на которое кто-то наспех накинул полотенце, во дворе столкнулся с санитарями, что несли носилки, мельком взглянул на курящего милиционера и метнулся к лесопосадке. Долго бежал я среди сосен и елей, пока в бессилии не опустился наземь, прислонившись к стволу дерева. Я зарыдал, закрыв лицо руками, и... незаметно заснул. Очнулся в сумерках... Моего отсутствия, кажется, никто не заметил. Я искоса взглянул на незнакомого пожилого господина, который обнял меня и назвал своим внуком...

На третий день прошли похороны. Я видел гроб с телом матери, который несли папины знакомые; слёзы ручьями текли из глаз моих. Мне кто-то сделал замечание:

— Ты мужчина, а мужчины не плачут!

Эти слова глубоко врезались в мою память.

После поминок я заперся в своей комнате и, не смыкая глаз, пролежал на кровати до позднего вечера, когда отец постучал в дверь мою. Я открыл ему и снова лёг, отвернувшись к стене. Он сел подле меня и долго молчал, словно собираясь с мыслями.

– Андрей, – вздохнул отец, – ты ничего не ел сегодня.

– Не хочу.

– Мы с тобой вдвоём остались... Я знаю, что тебе плохо. Мне тоже... Я любил её! Она хотела, чтобы мы с тобой жили. Она верила в тебя, в твоё будущее. И теперь она смотрит на тебя с неба и грустит при виде твоей печали...

– Неужели, папа, ты поверил в Бога? – вспыхнул я, приподнявшись на кровати. – Где Он? Я не чувствую Его присутствия!

Смерть матери стала первым душевным надломом в моей жизни. Я был зол на весь мир, и свою боль выплеснул на отца. Общее горе нас отнюдь не сблизило. Отец пропадал на работе, а я старался всё забыть. С тех пор стена непонимания выросла между нами; со временем мы отдалились друг от друга ещё больше...

Каникулы кончились, и я заставил себя пойти в школу... Помню, как увлёкся футболом и после уроков гонял с ребятами мяч по полю. Вскоре потерял интерес к учёбе, всё чаще

приходил в класс неподготовленным и прогуливал занятия. Однажды я вернулся с улицы поздно вечером и наткнулся на суровый полный решимости взгляд отца (перед этим у него был разговор с директором школы). Тогда он влепил мне оплеуху и снял ремень... Это был первый и последний раз, когда он поднял на меня руку. С тех пор я перестал прогуливать уроки. Но зубрить неинтересные учебники насильно не заставишь...

Школьные годы чудесные летели словно птицы, и подступала пора, через которую проходит каждый в своей жизни. Пора взросления! В раннем детстве я испытал боль утраты, что заставила меня взглянуть на мир другими глазами. Духовное взросление в моей жизни началось гораздо раньше физического. Я вспоминаю о войне и несчастной судьбе детей фронтовиков. Под тяжестью бремени, что падала на их хрупкие плечи, они рано выросли. Но мой переходный возраст пришёлся на первые годы нового столетия, когда сюжеты о войне показывали в выпусках новостей и мимо слуха проходили сообщения о терактах, а дети приобщались к взрослой жизни подчас с самых юных лет. Они сгорали от нетерпения вкусить запретные плоды совершеннолетия. В школах курить начинали едва ли не с первого класса. Бывали случаи, в возрасте одиннадцати лет (а то и раньше) рожали детей. Даже в Средние века девушек выдавали замуж с двенадцати лет!

Во времена провозглашаемой свободы, когда всё разрешено, невозможно детей оградить от того, что им знать ещё рано; они всё впитывают словно губка: фильмы, где актёры не стесняются откровенных сцен, музыку, воспевающую обнажённую любовь, слова и поведение взрослых, которые далеки от совершенства. Организм взрослеет, и этот процесс не остановить, но его искусственное ускорение приводит к необратимым пагубным последствиям. Статистика по подростковой преступности в те годы зашкаливала!

Когда тёплое искреннее сердце ребёнка покрывается льдом равнодушия, а на лице его появляется маска лицемерия, это значит, что человек вступил в пору совершеннолетия и сформировался как личность...

В тринадцать лет я почувствовал себя столь свободно, что в отсутствие отца, который был в командировке, привёл в дом девушку. Её звали Света. Она была моей одноклассницей, и я часто ненароком поглядывал на её грудь второго размера. Однажды она, сияя игривой улыбкой на лице, попросила меня помочь ей с алгеброй, и я согласился в предвкушении исполнения своего тайного желания. По пути мы зашли в кинотеатр, где шёл фильм о проблемах взросления молодёжи в США – «Американский пирог». Света громко смея-

лась, а я украдкой бросал на неё взгляды и думал о своём, не замечая происходящего на экране.

Но дома в последний миг испугался. Она улыбнулась и расстегнула свою кофточку. Страстью распалилось сердце моё; я осыпал поцелуями её пленительное тело и делал всё точь-в-точь как в фильмах, что подсматривал тайком от отца поздно ночью...

Наутро она одарила меня похвалой, но мне отчего-то стало неловко. Я понял, что мне нужна совсем другая девушка...

Глава вторая. Первая любовь

Вскоре отец получил назначение на должность заместителя губернатора области, мы переехали в Оренбург и поначалу жили в служебной квартире, но со временем купили собственный дом. Морозным февральским утром отец отвёз меня в гимназию, в которой мне отныне предстояло учиться.

– Удачи, Андрей, – холодно сказал он на прощание, и автомобиль скрылся из виду. Я шёл по коридору, и прозвенел звонок. Тогда я поспешил на урок.

Учительница представила меня...

Я окинул взглядом класс и встретился глазами с девушкой дивной красоты, добродушная улыбка играла на губах её, казалось, будто сияние исходит от лица её, из лучистых изумрудных глаз, от золотистых волос с завитками. Она светила словно солнышко, которое одаривает всё живое своим теплом и нежностью. На мгновение я забыл, где я и что со мной.

– Присаживайся, Андрей, – повторила учительница, но я не слышал её; лишь смех, раздавшийся в классе, заставил меня прийти в себя.

Любовь ворвалась в мою жизнь, чтобы остаться со мной навсегда. Я сел за парту, украдкой поглядывая на девушку с

золотистыми локонами.

– Машка, да он никак влюбился в тебя, а ещё говорят, что не бывает любви с первого взгляда, – донёсся задиристый голос с задней парты. Краска бросилась в лицо моё. Девушка, пленившая сердце моё, обернулась и посмотрела на меня с любопытством.

– Тихо, – прикрикнула учительница. – Вижу, Григорий, тебе не терпится выступить у доски. Прошу, похвастайся своими знаниями, расскажи нам о Новой экономической политике большевиков...

Пока Гриша Алексеев у доски с усилием извлекал из недр памяти всё, что успел на перемене прочитать в учебнике о НЭПе, я был погружён в свои мысли; боль, страх, приятная истома, – всё смешалось в сердце моём; хотелось то ли плакать, то ли кричать от переполнявшего душу чувства. Девушки в классе переглядывались с улыбками на губах. Сорок пять минут урока пролетели незаметно, прозвенел звонок, несколько ребят повскакали со своих мест и бросились к дверям, будто играя в запуск.

– Спасибо, удружил! – усмехнулся Гриша Алексеев.

Я очнулся от своего забытья и непонимающе уставился на него:

– Что?

– Куришь? – спросил он.

Я отрицательно качнул головой.

– Какой ты скучный! – скривил гримасу Гриша и скрылся за дверью. Только теперь я понял, что урок закончился. Всякий раз, встречаясь взглядом с Машей, я стыдливо опускал глаза. Детская застенчивость вцепилась в мою душу мёртвой хваткой, от прежней уверенности не осталось и следа...

Ребята в классе подсмеивались надо мной, а больше всех – Гришка Алексеев:

– У тебя нет шансов!

– Это не твоё дело, – возражал я.

– Девушки не любят нерешительных...

– Вижу, у тебя большой опыт, может, поделишься?

– Охотно. Бабам подавай внимание, комплименты и щедрые подарки... – с видом знатока проговорил Гришка.

– Кто тебе это сказал – старший брат? – усмехнулся я.

– Да иди ты! – обиделся Гришка и отошёл от меня.

– Вот и поговорили, – сквозь зубы пробормотал я.

Я приветствовал Машу по утрам, но подойти и заговорить – не решался. Всякий раз, как я думал об этом, мною овладевало непонятное волнение, быть может, страх быть отвергнутым...

Время шло... Пролетали дни и недели. Жгучая первая любовь не угасала, терзая душу мою. Я старательно занимался и тянул руку на уроках, быть может, хотел понравиться – она была прилежной ученицей и, конечно, догадывалась о моей любви; тем более что ни для кого в классе это не было

тайной. Случай подвигнул меня сделать первый шаг. На перемене я проходил рядом с нею, по парте покати́лась шариковая ручка и упала на пол; я нагнулся, чтобы поднять её, и ощутил нежное прикосновение. Маша взволнованно глядела в мои глаза. Я положил ручку на парту и оглянулся. В классе, кроме нас, никого... Лучшего момента для объяснения не придумать.

– Ты – чудо, о котором я мечтал, – горячо говорил я, – то, что я чувствую к тебе, словами не передать! Машенька...

Она коснулась моих губ рукою и ласково прошептала:

– И не надо слов! Я верю тебе, Андрей...

Вдруг в глазах её блеснули слёзы.

– Что с тобой? Отчего ты плачешь, Машенька? – удивился я.

Она попыталась улыбнуться.

– Ты необыкновенная, – прошептал я и обнял её. – Обещаю, ты будешь счастлива, девочка моя.

В этот миг вошли одноклассники, и я отпрянул в сторону...

На другой день я пересел за парту Маши. Эта подростковая любовь поначалу пошла мне на пользу. Я вновь выбился в отличники и радовался жизни. Дни мои озарились ярким светом. После уроков я провожал Машу до дома. Однажды её родители на неделю улетели в Таиланд, и она пригласила меня в гости...

Маша хлопотала на кухне.

– Какое варенье будешь: малиновое или вишнёвое? – спросила она и, не дождавшись ответа, поставила на стол две банки с вареньем.

– Постой, Машенька... – я коснулся руки её. – Ничего не надо. Мне нужна только ты!

– Не понимаю, – смущённо молвила она, опустив глаза.

– Я люблю тебя! И я мужчина. Мне хочется близости... – страстно говорил я, не сводя с неё взора своего.

– А если я скажу – нет, ты меня разлюбишь? – тихо прошептала она.

Я взял и поцеловал её руку:

– Что ты, девочка моя?! Прости.

Мне стало стыдно за себя. Я пил чай с вареньем, не смея поднять на неё глаза.

Отец Маши был бизнесменом и меценатом. Он собрал богатую коллекцию картин местных авторов. Я шёл в гостиную и остановился в коридоре, разглядывая полотна с видами города

– Оренбург – наш дом родной! – усмехнулся я. – Эта фраза приобретает новое звучание...

– Тебе нравится город? – спросила она.

– Город как город... – отвечал я, пожав плечами. – Впрочем, неправда. Это особенное место, потому что здесь я встретил тебя. Кругом много красивых девушек, но таких,

как ты, в моей жизни не будет! – я взглянул и заметил бледность на лице её. – По-моему, я говорю совсем не то... О жизни в городе А. остались не самые лучшие воспоминания. Там я потерял маму... Небо на долгое время затянуло тучами, но теперь выглянуло солнце, и в сердце моём зажглась надежда на новую жизнь.

– Прости, что напомнила тебе о твоём горе, – вздохнула она.

– Ничего, Машенька, ты – моё солнце! – я готов был поцеловать её, но внезапно чёрный кот пробежал между нами и юркнул в одну из комнат этого дома.

– Это что ещё за нечисть? – усмехнулся я.

– Пойдём, – она провела меня в комнату, где стояла двуспальная кровать, на которой устроился чёрный упитанный кот.

– Это Васька. Я подобрала во дворе котёнка... – начала она, но остановилась, заметив, что моё внимание привлекла картина на стене, изображающая рождение Венеры.

– Ты прекрасна как эта богиня, – восхищённо молвил я. Кот Васька вдруг бросился мне под ноги, я споткнулся и рухнул на кровать, ухватив её за краешек платья. Она упала в мои объятия. Мы в один миг засмеялись. Её чуть приоткрытые губы манили меня, и я нежно поцеловал её.

Мы провели ту ночь в спальне её родителей, а наутро проспали и не пошли в гимназию...

Дома отец встречал меня расспросами, но я не слушал его, поглощённый мыслями о прошедшей ночи: «Я причинял ей боль, но мне было хорошо. Жалко её! Она ещё совсем ребёнок, добрый и непосредственный ребёнок... Что же я натворил?» Муки совести терзали меня, и я устало отвечал отцу: «Эту ночь я провёл у друзей...»

Я встречался с Машей, но и он даром времени не терял, устраивая свою личную жизнь.

Однажды я застал его с молодой женщиной. Увидев меня, она отскочила в сторону.

– Мог бы и постучаться, – с досадой обронил отец и представил свою пассию. – Это Анна Николаевна. Она будет приходить к нам в гости...

– Здравсте, – сказал я, состроив гримасу, и вышел из его кабинета.

«Предатель! – негодовал я про себя. – Недолго же ты о матери помнил!»

Анна Николаевна за ужином без умолку говорила о своей работе. Её болтовня меня раздражала, и я не выдержал:

– Я не завидую вашим пациентам, если в больнице лишь чепуху молоть горазды!

– Андрей! – гневно прикрикнул на меня отец.

– Что? – с вызовом бросил я.

– Володя, это пройдёт. Возраст... – неуверенно заступилась за меня Анна Николаевна.

– Возраст? – подхватил я. – Да, может, вы и правы, у меня возраст... переходный, но я не забываю тех, кого любил...
Я бросил с шумом нож и вилку и встал из-за стола.

Вскоре Анна Николаевна переехала в наш дом. Я в упор не замечал её, но однажды столкнулся с ней в коридоре.

– Андрей, – сказала она, – мы с твоим отцом любим друг друга и будем вместе. На твоём месте я бы радовалась за него...

– На моём месте? – в негодовании проговорил я. – Вы знаете, что значит потерять самого родного человека?

Она укоризненно покачала головой:

– Не думай, что ты один во всём свете пережил горькую утрату. Моя мама, слава Богу, жива, но я росла без отца, что бросил её, когда она была беременна мной. Андрей, нельзя жить одним прошлым...

«Он привёл в наш дом женщину... А я чем хуже него?» – подумал я и решил Машу познакомить с отцом. Помню, мы сидели в гостиной перед включённым телевизором. Отец вошёл, и она вскочила с дивана.

– Это девушка моя, я люблю её и намерен на ней жениться, – сказал я, пряча улыбку в уголки губ.

– Что? – переспросил отец от удивления.

– Не сейчас, конечно... со временем, – добавил я, сдерживая приступ смеха.

Маша чувствовала себя неловко. Это было жестоко с моей стороны использовать её в своём противостоянии с отцом. Он недоумённо качнул головой и исчез в своём кабинете.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала Маша, и слёзы блеснули в глазах её.

– Останься, прошу тебя, и прости, – я, наконец, понял, что поступил нехорошо, обнял её и прошептал. – А сказал я правду! Я люблю тебя и хочу жениться на тебе, но нам, конечно, придётся подождать...

Маша вызвалась помочь Анне Николаевне на кухне, и вскоре они подружились. За столом отец украдкой поглядывал на юную гостью; она смущённо опускала глаза. После ужина я пошёл провожать Машу, а, когда вернулся, Анна Николаевна молвила с улыбкой на губах:

– Девочка хорошая. А с отцом помирись. Он тебе зла не желает!

– Обойдусь и без ваших советов, – буркнул я и юркнул в свою комнату, где громко включил музыку.

Я строил планы на жизнь, в которых неизменно была она – моя милая Машенька. Девятый год учёбы подходил к концу, нам предстояли экзамены. Мы решили через два года вместе поступать в юридическую академию, а потом пожениться... Но пьяный водитель иномарки в один миг вдребезги разбил все наши мечты о счастье...

9 мая 2002 года.

В тот день отец был на праздничных мероприятиях, посвящённых Дню победы, Анна Николаевна накануне уехала к родным в Орск. Мы с Машей остались вдвоём, разговаривали и смотрели телевизор. Я не подозревал, что вскоре моя жизнь даст трещину. За ужином появился отец, окинул её мрачным взглядом и обратился ко мне:

– Нам надо поговорить...

Я вошёл в его кабинет, оставив чуть приоткрытой дверь.

– Я сегодня видел директора гимназии... На тебя опять учителя жалуются! Андрей, когда это кончится? Ты давал мне слово! – он отчитывал меня, и гневом пылали глаза его.

– Отец, это было только один раз... – пытался оправдаться я. – Мы не пошли на труды. Кому вообще нужен этот предмет?

– Да какая разница, что вы пропустили? – вспыхнул отец. – Из-за этой девчонки ты совсем потерял голову! В твоей жизни таких немало ещё будет. Благо, природа ни внешностью, ни умом не обделила тебя. Плохо она на тебя влияет... Плохо! Не пара она тебе...

– Она тут ни при чём. Это была моя инициатива! И не смей так говорить о ней! – вскричал я и выбежал из его кабинета. В этот миг хлопнула входная дверь.

– Маша?

Я понял, что она слышала наш разговор.

– Что ты встал? Беги, догоняй её! – усмехнулся отец. Этих слов я долго не мог простить ему, как и того, что случилось после...

Я вышел во двор. Калитка была распахнута настежь, но вдогонку за ней я не бросился, а наперекор отцу пошёл неспешным шагом.

На перекрёстке, за которым начинался жилой массив, горел зелёный сигнал светофора, но люди не торопились переходить дорогу и о чём-то оживлённо переговаривались. Высокий юноша в очках не выпускал из руки телефон:

– А жаль. Девчонка-то была красивая!

Седовласая женщина в преклонных годах сокрушённо причитала:

– Мы старики живём, а молодые помирают... И всегда так было!

– Что случилось? – спросил я у юноши в очках.

– Машиной девушку сбило, – прямо на моих глазах! – отвечал тот и ткнул куда-то пальцем. Я увидел, что у края дороги под белым покрывалом, сплошь покрытым красными пятнами, лежит мёртвое тело... Поодаль стоял автомобиль ДПС, и в сторонке курили сотрудники милиции. «Бедная девушка», – подумал я и продолжил свой путь. Внезапно в глаза мне бросился луч света, – я зажмурился и пригляделся: золотом горел браслетик в виде змейки, что был на руке, не прикрытой белой материей. «Как у Маши, – подумал я,

сделал еще два шага и остановился пораженный догадкой. – Этот браслет ей подарила мать...»

– Боже мой! – вскричал я и, всё ещё лелея надежду на ошибку, бросился к телу погибшей девушки. Сдёрнув покрывало, я увидел золотистые кудри и незабываемые глаза моей возлюбленной, которые теперь безжизненно устремились в небо...

Ко мне тотчас подошёл сотрудник милиции:

– Вы знали её? Вы родственник?

Я не отвечал на его вопросы и глядел вдаль ничего невидящим взором. В этот миг жизнь потеряла для меня всяческий смысл. И отчаянная мысль пронзила мой разум чудовищной болью...

– Молодой человек, покиньте место происшествия! – потребовал милиционер, схватив меня за плечо. Я рванулся и выбежал на дорогу навстречу несущейся машине, – водитель, кажется, сигналил и пытался затормозить...

«Мы снова будем вместе», – думал я, вспоминая её улыбки, слова и слёзы. Но в последний миг неведомая сила дёрнула меня с проезжей части, и я покатился по земле... Автомобиль проехал мимо и остановился за моей спиной.

Я растерянно оглядывался по сторонам и слишком поздно заметил приближение руки, сжатой в кулак...

Я очнулся в автомобиле; подле меня за рулём сидел милиционер, который пытался оттащить меня от тела Машеньки.

– Парень, – сказал он, – прости, у меня не было выбора.

– Это вы меня ударили? – спросил я, потирая шишку на лбу.

– Да, я... Это была твоя девушка?

– Зачем вы мне помешали? – злобно прошипел я.

– Поверь мне, так было лучше для тебя. Я знаю, что ты чувствуешь! Я сам недавно потерял жену... Мне было плохо, но я нашёл в себе силы, чтобы жить дальше.

– Да чего ради? – вскричал я. – Я жил для неё, а теперь её нет... А откуда вы знаете, где я живу?

– Старушка сказала, что ты сын Владимира Романова, – отвечал он на мой вопрос.

– Ах, вот вы почему так стараетесь! – усмехнулся я и вновь помрачнел. – Это я виноват в её смерти...

– О чём это ты? – нахмурился милиционер. – Она попала под машину.

Остаток пути ехали молча.

– Спасибо, что подвезли, и до свиданья, – сказал я, вылезая из машины, потом нажал на кнопку звонка: вышел отец и накинулся на меня с руганью:

– Ты где был?

Но я, ни слова не говоря, проскочил в дом, заперся в своей комнате и лёг на кровать. Слёзы наворачивались на глаза мои, но я повторял про себя где-то услышанные слова: «Мужчины не плачут».

– Андрей, открой, пожалуйста, – донёсся тревожный голос отца. – Сын, не дури, прошу тебя.

Я не двинулся с места. Он постоял под дверью и ушёл, но ещё несколько раз подходил и прислушивался. Едва сон сморил меня, я увидел бледное мёртвое лицо, потускневший взгляд неподвижных зелёных глаз и с криком проснулся...

Утром отец снова попробовал достучаться до меня:

– Андрей,пусти меня. Нам надо поговорить...

Тогда я поднялся, открыл дверь и снова лёг, отвернувшись к стене.

– Сынок, – сказал он, и голос его дрогнул, – прости меня, дурака... Разве мог я подумать, что так все обернется?!

Я оглянулся и впервые увидел своего отца плачущим; он выглядел измождённым, будто не спал всю ночь, но более всего меня поразила седая прядь волос, которой прежде не было на голове его.

– Никогда себе этого не прощу! Я хотел отомстить тебе за Аню. Прости...

– Папа, не вини себя, – сухо молвил я. – Никто не виноват. Это был несчастный случай...

– Обещай, что не будешь делать глупостей.

– Хорошо. Обещаю. А теперь оставь меня одного!

– Андрей, если тебе... – начал он, но я перебил его:

– Спасибо, папа, если мне понадобится твоя помощь, я непременно скажу.

Неделю я лежал на кровати в своей комнате и потускневшим взором глядел в потолок, изредка выходя из своего добровольного заточения... Отец не сказал мне, что мама Маши скоропостижно скончалась, узнав о гибели единственной дочери. Я не был на похоронах и, к счастью, не видел убитого горем человека, потерявшего семью свою...

Из Орска вернулась Анна Николаевна. Она постучала в мою дверь, и я нехотя впустил её. Помню, она пыталась отвлечь меня и рассказывала какие-то смешные байки из своей студенческой жизни. По вечерам она приходила и садилась подле меня. От неё я узнавал новости о мире, от которого отгородился стенами своей комнаты. Однажды между нами завязалась тёплая беседа, и мы проговорили до самой ночи.

– Андрей, – сказала она, – ты должен выйти, чтобы жить. Тебе надо сдать экзамены! Маша хотела бы...

– Не поминай её имени! – вспылil я. – Кто ты такая, чтобы лезть в мою жизнь?

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – спросила она с обидою в голосе.

Я отвернулся в сторону: всплыли воспоминания, тоска нахлынула на душу мою, из глаз сами собой полились слёзы.

– Ну что ты, Андрей, не убивайся! У тебя ещё вся жизнь впереди... – сочувственно сказала Аня.

Я обнял её, словно мать родную, и зарыдал.

– Аня, почему Он отнимает у меня тех, кого я люблю? Сначала мама, теперь Маша...

– Поплачь, мальчик мой, – приговаривала Аня, ласково гладя меня по голове, – я никому не скажу об этом...

Своей заботой и вниманием она вернула меня к жизни!

Глава третья. Лучшее время жизни

В юности политика меня мало интересовала. Я иногда смотрел выпуски новостей, но не думал, что когда-нибудь и меня будут показывать по телевизору. В 90-е годы страну лихорадило: неудачная война на Кавказе, дефолт августа 1998 года, забастовки бюджетников... Народ ждал врача. 31 декабря 1999 года Борис Николаевич сделал «дорогим россиянам» новогодний подарок и покинул пост президента страны. Премьер Путин стал исполняющим обязанности президента и наводил порядок в Чечне, предлагая преследовать террористов повсюду и даже в уборных...

Целая эпоха в жизни страны связана с именем Путина – время, когда жить «стало лучше, жить стало веселее». Вору в законе занялись полуправильным бизнесом; учителям, наконец-то, исправно выплачивали зарплаты; росли доходы населения... как и запросы – денег-то много не бывает! Правда, взрывы подчас сотрясали столицу и российские города, полыхала Чечня, где властвовали отец и сын Кадыровы. Но это мелочи, а главное – Путин остановил смуту 90-х и предотвратил дальнейший распад страны; его заслуга в укреплении государства российского не вызывает сомнения! Президент радовал народ остроумием и твёрдостью в борьбе с терроризмом. В 2004 году его переизбрали на второй срок. В сен-

тябре того же года название осетинского города Беслан прогремело на весь мир, а вскоре были отменены выборы губернаторов, что дало повод обвинить Путина в диктатуре. Да, нарушения Конституции были, но не стоит молиться на закон, который пишется людьми ради обеспечения собственной безопасности! Накануне новых выборов Путин благоразумно отверг предложения общественности, выступившей в поддержку его третьего срока.

За считанные годы удалось достичь благополучия для огромной страны... за счёт доходов от экспорта углеводородов; в прессе вопили о технологическом отставании России и превращении её в сырьевой придаток развитых стран. Первые годы нового столетия сравнивали с эпохой брежневского застоя. Чиновники чувствовали свою безнаказанность; коррупция разрасталась, словно раковая опухоль государства. Окружённый многочисленной свитой, что власть использовала в своих интересах, Путин терял уважение в глазах «прогрессивно мыслящих» граждан. Журналисты, купленные Западом, обвиняли власти в попрании прав и свобод человека. «Пушистый авторитаризм» Путина принёс добрые плоды, но со временем осторожная политика полумер истощала себя...

После 11-го класса я поступил в филиал Московской юридической академии. ЕГЭ, по счастью, не пришлось сдавать (он ещё не стал обязательным). В те годы правительство пре-

подносило своему населению один сюрприз за другим, и, наконец, у чиновников Министерства образования родилась гениальная мысль – позаимствовать у Америки пресловутое тестирование, как говорили, в целях борьбы с коррупцией. Но... разруха в головах, и необходимо лечение, чтобы преодолеть её! В условиях, когда в стране нет единой идеологии, и царит вседозволенность от низов до верхов общества, задача – практически невыполнимая...

Отец с Аней поженились, теперь она ждала ребёнка. А я снял однокомнатную квартиру в Центральном районе города, которую согласился оплачивать отец. Два года после гибели Маши я даже не глядел на девушек. Пытаясь справиться с пустотой в своей душе, увлёкся рок-музыкой. Время лечит, боль утихает. Я стал оглядываться по сторонам. Так много красавиц как в Оренбурге я, пожалуй, больше нигде не встречал! Кровь закипала в жилах моих. Я рвался на свободу и, когда обрёл её, с головой окунулся в море веселья, которое дарил молодому человеку город, живущий яркой ночной жизнью.

Однажды в компании своего приятеля Гриши Алексеева я оказался в ночном клубе, попал в облако табачного дыма, которого не переносил, был оглушён громкой популярной музыкой и остановился в нерешительности перед блистаю-

щими в ритме зажигательного танца девушками. Гриша заметил мою скованность.

– Расслабься, – засмеялся он, пританцовывая. – Пойдём, выпьем пивка для начала.

Мы подошли к стойке, за которой бармен жонглировал бутылками. Я опустошил бокал пива, и алкоголь с непривычки ударил мне в голову. Я не помню, как очутился в зале с тихой музыкой...

Две девушки сидели на мягком диванчике, пили коктейли и оживлённо разговаривали. У Гриши заблестели глаза:

– Смотри, какие цыпочки. Чур, моя блондинка!

Девушки притихли, завидев двух парней.

– Я часто бываю в клубе, – сказал Гриша, улыбаясь блондинке. – И столь ярких девушек просто не смог бы не заметить.

– Мы тут в первый раз, – блондинка просияла ответной улыбкой.

– Кстати, меня Гриша зовут, а это мой друг Андрей, – он поглядел в мои осоловелые глаза. Я шагнул вперёд к темноволосой девушке. Гриша покачал головой. Брюнетка сначала отстранилась от меня, затем недоверчиво протянула мне свою ручку, которую я нежно пожал и, слегка наклонившись, поцеловал.

– А ваш друг – сама галантность, – прыснула со смеху блондинка. – Я – Ирина, а это моя подруга Надя.

– Он скромненький, – сказал Гриша, присаживаясь возле Ирины, – но я открою вам тайну – его отец занимает высокий пост в областном правительстве...

– Да неужели? – удивилась Надя. – А он сам говорить умеет?

– Ещё как! – усмехнулся я и сел на диванчик, пройдясь хмельным взором по её ногам, полуприкрытой груди и шее. – Я иногда бываю весьма остроумным. Но этим не исчерпывается список моих достоинств!

Девушки засмеялись.

– Гриша, вы явно поторопились объявлять своего друга скромным, – заметила с улыбкой на губах Ирина.

– Да, я такой вот парень-скромняга, – улыбнулся я и пододвинулся к Наде. – Но я умею ценить прекрасное: я понимаю толк в музыке, люблю кино и живопись... и образ прекрасной девушки, живущий в моём воображении.

– И кто же она? – полюбопытствовала Надя.

– Это просто образ, – улыбнулся я и заглянул в её глаза. – И, кстати, вы очень похожи на неё.

– Вы романтик? – с интересом спросила Надя.

– Я был им когда-то, теперь не знаю... Дарить радость любимому человеку – это величайшее счастье! А вы, должно быть, учитесь в ОГУ¹?

– Да, как вы узнали? – удивилась Надя.

– Интуиция, – улыбнулся я, – давайте попробую угадать,

¹ Оренбургский государственный университет (прим. авт.).

на каком факультете? Столь очаровательные девушки могут учиться только на факультете журналистики...

– Не угадали, – улыбнулась Надя. – Я учусь на юрфаке.

– Стало быть, мы с вами коллеги! – воскликнул я. – Я из Юр. академии. И это хороший повод перейти на «ты».

– Согласна, – просияла девушка. Я нежно коснулся руки её:

– Хороший вечер, не правда ли? Пойдём потанцуем?

Я забыл о Грише, который исчез, прихватив с собой Ири-ну, и очутился на танцполе, где меня захлестнули волны музыки и яркого света. Я почувствовал себя непринуждённым, отключил свой мозг и отпустил тело в свободное плавание...

Лица и руки девушек мелькали перед глазами, я успел забыть о Наде, когда почувствовал прикосновение руки её.

– Я запыхалась, – прокричала она и, схватив за руку, повела меня с танцпола. Булькала вода в кальяне, мы сидели на мягком диване и вдыхали ароматный табачный дым, а после передышки вернулись на танцпол. В четвёртом часу ночи Надя выглядела утомлённой, и я вызвался проводить её до дома.

Мы вышли из ночного клуба, но поймать маршрутку не удалось.

– Я живу тут недалеко – одна остановка, – говорил я, и искренность звучала в моём голосе. – Ты можешь переночевать у меня. Я устроюсь на раскладушке в гостиной.

Девушка согласилась и оказалась в моей постели... Я с

ужасом понимаю теперь, что в ту ночь мы не предохранялись. Наутро я записал её номер телефона, обещал, но так и не позвонил ей...

В первые студенческие годы влюблённость была повседневным спутником моей жизни. Я знакомился с девушками в клубе, в кафе, однажды на улице стрельнул номер телефона у проходившей мимо красотки. Жизнь завертелась перед моими глазами в вихре безудержного танца!

От прежней робости не осталось и следа, я был уверен в себе, как никогда прежде; изменился мой стиль одежды и манера поведения. Случайные связи стали смыслом моей жизни... Байками, которые выдавал за свои, я развлекал на встречах девушек и, между словом, одаривал их комплиментами вперемешку с тонкими намёками на счастливое совместное будущее. Зная, что женщины любят ушами, я говорил то, что они хотели услышать, и зачастую добивался успеха. Однажды даже Гриша Алексеев похвалил меня:

– Брюнеточка, которую ты увёз в прошлый раз. Виртуозно её подцепил. Bravo!

Мне его слова показались обидными, и я едва не послал его по известному адресу... Бывали, правда, и промахи, но нравиться всем, увы, невозможно... Когда я достигал цели, мой интерес к девушке обычно пропадал, и я переключал

внимание на другую. Подчас встречался сразу с несколькими. Лишь однажды я отступил от своих правил. С Наташей, девушкой с параллельного потока, я познакомился в библиотеке. Помню, на занятии по теории государства и права преподаватель дал задание прочитать работу Ленина «Государство и революция» и добавил с улыбкой на губах:

– Библиотека – прекрасное место для знакомств...

Его слова я воспринял практически как руководство к действию и в библиотеке имени Крупской встретил Наташу, которую до сих пор в упор не замечал, несмотря на общие лекции в актовом зале. Вскоре мы переспали, но отделаться от неё оказалось не так-то просто. В институте между занятиями она не отходила от меня ни на шаг, а однажды даже заявила по моему адресу...

Я всегда брал номер телефона девушки и редко оставлял свой, но, увы, Оренбург – большая деревня, в которой подчас невозможно избежать неприятных встреч. В клубах, иногда на улице я пересекался с девушками, с которыми прежде встречался. Одни пытали меня укоризненным взглядом, другие всё ещё возлагали надежды на продолжение знакомства, третьи пытались добиться ответа на вопрос: «Почему?» «Я тебе ничего не должен, милая моя, – цинично говорил я. – Разве ты забыла мои подарки, места, куда я тебя водил?» Когда старая знакомая в клубе видела мою новую подругу, подчас высказывала всё, что думает обо мне, тогда

пиши пропало – вечер не задался с самого начала!

Наташу мне было жалко; её доверчивые глаза не могли оставить равнодушным даже такого прожжённого эгоиста как я. Будни мы проводили вместе, но выходные я предпочитал бывать в клубе или в компании друзей, а потому мне приходилось врать и изворачиваться. Я говорил ей, что уезжаю в город А. к тёте или ещё что-нибудь придумывал.

Первый тревожный звоночек прозвенел, когда отцу, наконец, надоело оплачивать мои дорогостоящие развлечения. Однажды, когда я снова приехал за деньгами, он проговорил строгим голосом:

– В этом месяце чтоб я тебя больше не видел. Заявишься ещё раз, пеняй на себя! Ничего не получишь. Мне плевать, на что ты будешь жить... Если тебе не хватает моих денег, экономь или устраивайся на работу. Я в твои годы подрабатывал на стройке...

Честно говоря, желания работать у меня не было, и пришлось мне отказаться от частых визитов в ночные клубы.

Однажды ночью при тусклом свете настольной лампы я неожиданно получил отказ. Ласки не помогли.

– Нет, милый, не сегодня... – проговорила Наташа, отстраняясь от меня. – Я хочу тебе кое-что сказать.

Она долго молчала, и я уже задремал, но очнулся, услышав голос её:

– Андрей, ты меня любишь?

– Что? – переспросил я.

Она обернулась:

– Ты спишь, что ли?

– Нет, – отвечал я.

– Что – нет?

– В смысле – да, конечно, я люблю тебя... – равнодушно

молвил я. – Что ты хотела сказать?

Наташа радостно объявила:

– Я беременна.

– Что? – переспросил я, приподнимаясь на постели.

– Я беременна, – повторила она.

«Вот это новость!» – подумал я и сказал вслух:

– Ты уверена? Но как такое могло случиться? Мы предохранялись... Может, у тебя ещё кто-то есть?

К такому повороту событий я оказался не готов и усиленно соображал, что делать.

– Нет, ты мой единственный мужчина, – сказала она, не обращая внимания на грубость моих слов, и вдруг размечталась. – Андрюша, мы с тобой поженимся, будем работать и растить нашего ребёнка...

Её наивность вывела меня из себя. И тогда я вспыхнул:

– А ты спросила, хочу ли я этого ребёнка?

Она изменилась в лице и, растерянно взглянув на меня, произнесла дрожащим голосом:

– Ты... детей не хочешь?

– Хочу, – возразил я, – но не сейчас... Мы слишком молоды! Нам нужно пожить и для себя!

Повисла тишина, которую вмиг взорвал женский крик.

– Я всё поняла. Ты боишься ответственности! – она поднялась с кровати и стала одеваться. Я попытался вернуть её.

– Наташенька, ты меня неправильно поняла, останься, пожалуйста...

Но она меня и слушать не хотела:

– Мне говорили, я не верила... Но теперь я вижу, что ты лишь одного себя и любишь! А меня только использовал... Какая же я дура, что заступалась за тебя! Ты ничтожество, а не мужчина! Я не хочу, чтобы у меня был ребёнок от такого...

Она ушла, громко хлопнув дверью. Я не придавал значения её словам и со спокойной совестью заснул. На другой день она не явилась на занятия, но меня это ничуть не смутило. Её долго не было, я перестал уже и думать о ней... Однажды после второй пары я сошёл на первый этаж, чтобы перекусить в буфете, но какое-то предчувствие заставило меня обернуться. Внезапно я увидел Наташу: она стояла предо мной в коричневом мокром от дождя плаще. Я поперхнулся и на мгновение опешил.

– Наташа? Как ты? Я не мог до тебя дозвониться... – начал я, но она резко перебила меня, окинув гневным взглядом:

– Заткнись и слушай. Я тебя ненавижу. Я убила...

Я испугался:

– Что ты такое говоришь? Кого ты убила?

– Нашего ребёнка...

В моей памяти всплыли подробности того ночного разговора, я всё понял и побледнел:

– Ты сделала аборт? Но... как ты могла?!

– Ты толкнул меня на это!

– Наташа, я... Ты не должна была слушать меня! Что ты натворила?!

– Я натворила?! – закричала она. – Теперь ты хочешь всё свалить на меня? Подлец!

– Но как же... – начал я и в растерянности остановился. Меня удивила тишина, что воцарилась на первом этаже, где всегда было шумно; я оглянулся по сторонам и встретил множество любопытных глаз...

Я подошёл к Наташе и коснулся руки её:

– Пойдём и поговорим наедине.

Она отстранилась от меня:

– Никуда я с тобой не пойду! И вообще: я уезжаю и обещаю – скоро забуду о тебе. Прощай...

Она исчезла, и я понимал, что навсегда, но теперь меня это отнюдь не радовало. Я долго стоял и глядел вдаль невидящим взором, а, когда пришёл домой, лёг в постель и укрылся одеялом с головой. Я впервые за последние годы чувствовал себя уязвимым и беспомощным. Мне хотелось забыться сном, но он сторонился меня как прежде добрая наивная де-

вушка, которой я причинил страдание... И она не одна!

«Не правда, – думал я, пытаюсь найти себе оправдание, – в большинстве своём они понимали, что это всего лишь игра... без обязательств...»

– А мама? Что сказала бы она, будь теперь жива? – прозвучал голос в голове моей. – Похвалила бы она меня? Живи по совести, никого не обижай напрасно, – говорила она, – ты не должен быть равнодушным! Права Наташа – я подлец! И это ещё мягко сказано... Как жить дальше?

Я не знал ответа на этот вопрос. Заснуть не получилось, но я нашёл другой способ забыться...

Я пошёл в гости. Из-за двери выглянуло небритое осунувшееся лицо соседа Сергея. В прошлом военный лётчик, оказавшийся на обочине жизни вскоре после распада Советского Союза. Он спустился с неба на землю и год от года увязал в болоте уныния. Не нашёл работы по душе, сдался, поставил на себе крест, жил на пенсию по инвалидности и спивался...

В перерывах между запоями он читал книжки по восточной философии и ругался с сыном восемнадцати лет отроду, который ничем не занимался и сидел на шее у отца. Мне было жаль видеть, как погибает хороший человек, но, когда он приходил и просил: «Выручи, сосед», – отказать ему я не мог. Он брал деньги и, как это ни странно, всегда возвращал ровно в срок.

Сергей разлил водку по рюмкам и осведомился:

– За что выпьем?

– Да без разницы! – я равнодушно махнул рукой.

– Ну, тогда за мужскую дружбу, – усмехнулся он. – Нет ничего святее дружбы и товарищества. Ты хороший парень, Андрей, и не жадный...

Он выпил. Я опустошил свою рюмку и, закусив, отвечал на похвалу:

– Я почитаю вас за настоящего мужчину, потому что вы всегда держите своё слово. Это достойно уважения...

– Ты умный парень, Андрей, но многого не знаешь... Что думаешь о НЛО?

– Летающие тарелки и серые человечки? – заулыбался я. Он укоризненно покачал головой:

– Зря ты смеёшься! Это всё правда... Я видел их, когда ещё служил. В советское время мы патрулировали вдоль границ недружественной нам Японии. Яркий свет блеснул в глаза, я оглянулся и увидел вытянутый объект треугольной формы. Этот аппарат не был похож ни на один из наших самолётов! Он бесшумно двигался вровень с нами, сверкая огоньками... Я был заворожён этим зрелищем. Мой напарник попытался связаться с базой, но рация не работала... Стрелки на приборной панели словно взбесились, штурвал не слушался. Самолёт стремительно терял высоту, грозя отправить нас на корм акулам. Я в первый раз в своей жизни перекрестился... левой рукой, – правой пытался выправить самолёт. Когда до морской глади оставалось не больше сотни метров,

объект исчез из поля зрения, всё пришло в норму, и самолёт взметнулся ввысь...

– Вы считаете, что это были пришельцы? – спросил я, когда он окончил свой рассказ.

– А кто же ещё? – усмехнулся он. – Это внеземные технологии! Тогда мы вернулись на базу и доложили командиру о происшествии. «Никому не говорите о том, что видели, – сухо обронил он. – А то примут вас за сумасшедших...»

Я понял, к чему он клонит, и молчал долгие годы. Но страх живёт во мне и поныне. Иногда я вижу сны, будто мой самолёт падает, а НЛО водят хороводы вокруг меня...

– Андрей, выпьем за то, чтобы ты никогда ничего не боялся!

Я немного перебрал в тот вечер, а наутро нехотя поднялся с кровати, принял таблетку анальгина и отправился в институт. Вместе с болью прошли тревожные мысли, и со временем моя жизнь вернулась в привычную колею...

Преподаватели в юридическом вузе как сказочники, которые с трибуны, принимая значительный вид, повествуют фантастические истории о справедливом демократическом режиме. В советское-то время выборы были фикцией, нарушались права человека, а теперь настали славные времена, когда вся власть принадлежит народу, свободные граждане

могут избирать и быть избранными, и их права гарантированы конституцией и законами... правда, кроме обеспечения жильём и работой. И бомж теоретически может пойти голосовать в надежде на светлое будущее в правовом государстве, которое основано на верховенстве права и принципе разделения властей (этот принцип, видимо, согревает бездомного холодными ночами и заменяет ему пропитание)!

В юридическом вузе можно утонуть в море пустых ничего не значащих фраз. Подчас, кажется, что авторы учебников за научные изыскания выдают мифотворчество, которым они занимаются на досуге. Мне было скучно посещать лекции и выслушивать весь этот вздор с юридическим пафосом. Голая теория, практики – никакой! И это в одном из лучших вузов страны! Выпускникам впору выдавать вместе с дипломами справки «Осторожно – специалист!»

Выходя из юридического вуза, можно без сожаления забыть всё, чему тебя учили на протяжении пяти лет...

Мимолётные влюблённости спасали от скуки, но однажды в сеть попался сам птицелов...

Всё изменилось, когда в моей жизни появилась молодая преподавательница административного права. Незабываемая улыбка, восточные карие глаза этой женщины очаровали меня.

Впервые я увидел её на втором курсе. Она замещала у нас одну пару и успела понаставить неуды половине группы. Я

знал хорошо один вопрос и, по счастью, он-то мне и попался. Год спустя она вела у нас семинары по административной юрисдикции; тогда-то пришла любовь, поначалу неосознаваемое чувство, которое вспыхивало всякий раз, когда я видел её. Я ловил каждое её слово, упивался звучанием её голоса, её взгляд прожигал мою душу насквозь. Он-то, видимо, и проник туда, где притаилась моя детская застенчивость...

Я чувствовал влечение к замужней женщине с двумя детьми от разных браков, но не думал о шансах на успех... До сих пор я видел в девушке куклу, чтобы поиграть и выбросить без сожаления, не задумываясь о её чувствах и переживаниях...

Первым забил тревогу мой приятель Гриша Алексеев. Однажды я столкнулся с ним у лифта, и он засыпал меня вопросами:

– Что происходит? Где зависаешь на выходных? Что ты такой смурной?

– Не выспался, – я скривил губы в неискренней улыбке.

– Нет, меня ты так просто не проведёшь! – усмехнулся он. – Слышал, будто ты глаз положил на Данилову... Светлану Михайловну... Что, крепость оказалась неприступной?

– Что за бред ты несёшь? – вспыхнул я.

– Если ты так реагируешь, значит, всё серьёзно... Ты влюбился по уши... Неужели забыл свою Машу?

– Машу не тронь! – неистово вскричал я. Моя рука самопроизвольно дёрнулась и угодила в лицо его. Он упал с

разбитым носом, вытирая кровь рукой. Я подскочил к нему, чтобы хоть как-то загладить свою вину. Но он оттолкнул меня и прокричал:

– Я тебе этого не прощу!

По закону подлости очевидцем этого происшествия стал декан дневного факультета. Он пригласил меня в свой кабинет. Я во всём повинился.

– Драка в стенах вуза – серьёзный проступок, Андрей, – проговорил строгим голосом декан. – Что стало причиной вашей ссоры?

– Я не могу вам сказать, – опустив глаза, отвечал я. – Это личное. Я готов понести наказание. Даже если оно будет столь суровым как отчисление из вуза...

Он отпустил меня со словами: «Передавай отцу привет: мы с ним когда-то вместе учились...»

Я шёл к остановке, погрузился в раздумья и не замечал ничего вокруг себя: «Неужели это любовь? Не верю! Да нет же, для меня она просто преподавательница... Она строгая, но справедливая... В ней чувствуется присутствие внутренней силы. Красива... умна... успешна. Ну и что? Глупости!» Одно говорил разум, а сердце настойчиво шептало другое... Волны сильного чувства накатили на безмятежный берег души моей, и от бывшего равнодушия не осталось и следа. Ныло в груди моей от тоски...

«Сердцу не прикажешь!», – я вспомнил фразу, над кото-

рой прежде сам потешался.

Дома я отключил телефоны, чтобы никто не мешал свободному течению моих мыслей, и лёг в постель. «Что же это? Отчего мне так плохо? Я болен? Вызвать врача... Он мне не поможет! Где найти лекарство от этой болезни? Не надо никого слушать. Всё ложь! Мне надо поспать. Утро вечера мудренее...» Я сомкнул глаза, чтобы забыться, но яркий образ милой сердцу женщины предстал перед мысленным взором моим. Я мучился бессонницей полночи, пока не решился, осознав своё бессилие противостоять внезапному чувству любви...

Я открыл глаза и зажмурился; солнечный свет заливал всё пространство и бил в лицо. Настенные часы показывали десять минут одиннадцатого. «Ты должен спешить навстречу судьбе своей», – сказал неведомый голос в голове моей, и я засобирався в путь...

Весна... Солнце ласкало. Природа расцветала. Дышалось удивительно легко. Я слушал залиvistое пение птиц, и сердце трепетало от неизречённого восторга. Я ловил улыбки на лицах прохожих. Хотелось прыгать от радости и кричать: «Я люблю тебя, жизнь!» Мир прекрасен и полон чудес...

«Как же я не видел и не чувствовал этого раньше?!» – удивлялся я про себя.

Я не помнил, как очутился перед зданием грязно-жёлтого цвета с вывеской «Юридическая академия». «Зачем я здесь? – растерянно думал я. – Ах, да, мне надо на консультацию...»

Я вошёл в кабинет кафедры административного права...

Светлана Михайловна оторвала свой взгляд от компьютера и покровительственной улыбкой встречала меня:

– Здравствуй, Андрей, присаживайся.

Я молчал, не зная, с чего начать.

– Итак, я слушаю тебя, – она вопросительно посмотрела на меня.

Я смутился и сказал, не глядя на неё:

– Свои баллы я хотел узнать...

Всякий студент мечтает о халяве на экзамене, которая называется «автоматом», но его надо ещё заслужить кропотливой работой в семестре. В этом мире, увы, ничего даром не бывает. Она выставляла баллы за ответы на семинарах.

– Не волнуйся, у тебя всё в порядке, – усмехнулась она. – Ещё вопросы?

Я понял, что она торопится избавиться от меня.

– По правде говоря, меня к вам привело чувство, что оказалось сильнее меня... Я люблю вас... – выпалил я и тотчас пожалел о своих словах.

Она улыбалась, как и всякая женщина, когда слышит признание в любви от молодого человека, но выражение лица её изменилось. Она заговорила о моей дипломной работе. Я отвечал невпопад, в упор глядя на неё.

– Мой тебе совет, Андрей, – внезапно сказала она, – брось... дурью не майся!

– О чём вы? – переспросил я, а по сердцу полоснула неприятная догадка.

– Обо всём... – красноречиво отвечала она, и улыбка вообще исчезла с лица её. Она глядела на меня строго, как преподаватель на провинившегося студента.

– Я пойду? – спросил я.

– Да, я тебя не задерживаю, – отвечала она, повернув голову к компьютеру.

«Я не буду мешать вам... и никому более...» – подумал я, вышел из кабинета и присел в коридоре на диван, глядя вдаль невидящим взором. Не зная, сколько времени пробыл в забытии, я очнулся, когда меня окликнул развязный голос Алексеева:

– Андрей? Ты что здесь делаешь? А, кажется, я догадываюсь...

Он громко засмеялся, а я сорвался с места и бросился вниз по лестнице. Я бежал по улицам города, не оглядываясь по сторонам. Зацепил прохожего, который неспешно шёл по тротуару и не успел высказать вслух, что думает обо мне. На

красный сигнал светофора пронёсся через перекрёсток, едва не угодив под колёса мчавшейся маршрутки, смуглый водитель которой что-то прокричал с акцентом...

Судьба хранила меня до времени. Я опомнился, глядя в мутные воды Урала... Мост, посреди которого памятный столб обозначал границу Европы и Азии. Молодожёны неизменно запирали здесь своё счастье на замок, бросая ключи в воду. Я стоял, прислонясь к белокаменной ограде, и вспоминал те времена, когда была жива Маша. Мы гуляли по улице Советской и доходили до скованной льдом реки. Она улыбалась, её глаза светились тихой радостью, и весело играл румянец на щеках её, но всё вдруг изменилось – перекрёсток и тело любимой девушки с потухшим неподвижным взором... Я тряхнул головой, прогоняя тяжёлые воспоминания, и мысли остановились на событиях дня сегодняшнего. Я получил отказ, но и прежде такое бывало. Что же теперь? Отчего так тошно, хоть в воду прыгай? Раньше от грусти меня спасала весёлая компания, но сейчас никого рядом не было. Я остался совсем один! С муками душевными не сравнятся страдания телесные. Я опустил глаза и на каменной ограде прочёл надпись: «Андрей, я жду тебя. Твоя Маша».

«Что это такое?» – я задрожал, и слёзы брызнули из глаз моих. Не помня себя, я бросился вниз по ступенькам лестницы. Остановился на середине моста и схватился за перила. «Я жду тебя, Андрей», – неотступно звучало в моей голове. Недолго думая, я бросился в реку; вода тотчас приняла меня

в свои объятия. Я опускался на дно, затаив дыхание. «Что я делаю?!» – ужаснулся я в последний момент и попытался всплыть, но что-то схватило меня за ноги и потянуло вниз. Когда неумолимо стало без воздуха, я открыл рот и захлебнулся...

Глава четвёртая. Истина

Вода исчезла. Тихое сияние обволакивало меня. Свет! Мягкий и пушистый Свет залил всё пространство. Я не слышал шума суетного города. Стояла первозданная тишина. Я чувствовал нежное прикосновение тысяч заботливых рук. Не было обжигающего солнца. Ни резких запахов, ни звуков, – приют блаженства, который не хочется покидать. Сияние источало благоухание, и вдали переливался всеми цветами радуги Новый мир... Мир, сотканный из чистого света, где нет острых углов, боли и страдания, а смерть не властна над его обитателями. Но пропало яркое видение словно мираж в пустыне. Всплыли в памяти удушающие объятия водной стихии, увидел я, как тонул и задыхался. И мысли захлестнули меня чёрными потоками:

«Что это? Я умер? Я на небесах? Где же тёмный тоннель? О чём я думаю в такой момент?! Разве важны людские предрассудки? Когда вот оно – подтверждение жизни после смерти! Но учёные... Они бы нашли разумное объяснение увиденному? Что бы сказали атеисты? Не то, всё не то! Разве теперь нужны слова и мысли? Боже мой, как прекрасно царство Твоё!»

Однако тишину взорвал громовой голос, подобный древней иерихонской трубе.

– Дитя Моё! – воззвал он. – Запомни всё, что ты видел, и

слово, которое Я дарую тебе. Исправь пути свои, ибо всё тайное твоё открыто для Меня. Ты избран, дабы исполнить волю Мою в мире, где вскоре воцарится Тьма. Отныне ты не сможешь жить как прежде и понесёшь тяжкое бремя власти на раменах своих. Ты обретёшь уверенность и силу, дабы воздвигнуть оплот царства Моего, и зло, что разольётся подобно рекам, не сокрушит его! Грядёт година искушения в очищение грехов рода людского, настанут тяжкие времена испытания и борьбы; народу твоему надлежит выстоять и повести за собой всё человечество. Сердца людей далеки от Меня, но суда Моего не избежит никто. И каждому воздастся по делам его! В пламени огненном погибнет ветхий мир и восстанет мир обновлённый!

– Что я должен делать, Господи? – воскликнул я.

– В народе твоём ещё теплится огонёк веры, сбереги его, когда придёт человек погибели, что знамениями своими соблазнит многих... Но слово Моё пугает тебя! Ничего не бойся, Я всегда с тобой! Подготовь пути Господни...

– Господи, неужели нет человека, более достойного, чем ничтожный раб Твой?

– Познай самого себя. В тишине уединения и мире великих древних книг тебе откроется мудрость. Ты обретёшь дар, которым пользуйся во благо, дабы сохранить его! Теперь ты желаешь знать, что стало с милыми сердцу твоему...

– Господи, я могу увидеть их?

– Всему своё время, дитя Моё. Тебе надлежит вернуться в

мир скорбей, дабы свидетельствовать о Свете... Узри своего спасителя, который станет опорой тебе на многие годы!

Тотчас я очутился на берегу реки; светловолосый юноша в мокрой одежде вытаскивал из воды обмякшее тело моё и пытался вдунуть в него жизнь. «Андрей, Я благословляю тебя!» – в последний раз прозвучал голос Господень, и Свет померк. Грудь мою пронзила адская боль; я очнулся и закашлялся, выплёвывая воду изо рта; зажмурился от яркого света, хлынувшего в глаза мои, и с трудом различил чей-то силуэт.

– Что со мной? Где я? – спрашивал я, тяжело дыша. Потом попытался приподняться, но в бессилии упал навзничь.

– Вам надо в больницу, – осторожно заметил незнакомец.

– Ага, чтобы все узнали, что сын Владимира Романова пытался покончить с собой?!

Внезапно нежное прикосновение Света всплыло в моей памяти:

– Я был там... Боже мой, я был там! Я слышал Его голос! – я поглядел на светловолосого юношу. – Вы вытащили меня из воды... Зачем? Впрочем, на то была воля Божья. Спасибо!

– Вы упали в воду... На моём месте любой поступил бы точно также, – скромно отозвался юноша. – Как вы себя чувствуете?

– Неплохо... для человека, побывавшего на том свете! – усмехнулся я. – Как зовут моего спасителя?

Спасителя звали Михаилом. Миша Князев. Мы обсохли

на солнце, и он помог мне подняться.

– Страна должна знать своих героев! – улыбнулся я. – Если вы, Михаил, не торопитесь, приглашаю вас посетить дом моего отца; он будет рад гостю...

Мы шли по оживлённой пешеходной улице города.

– Андрей, почему ты прыгнул с моста? – спросил Миша.

– Из-за несчастной любви, – усмехнулся я. – По правде говоря, не знаю... В последние годы я был как будто не в себе. Я хотел бы перевернуть эту страницу своей жизни и начать всё с чистого листа. Чем ты занимаешься, Миша?

– Учусь на юрфаке ОГУ.

– На юрфаке... – задумчиво повторил я. – Ты, случайно, не знаешь девушку... брюнетку: её зовут Надя?

Миша отрицательно качнул головой.

– Я умер на мгновение и видел Свет! – вдохновенно сказал я. – Но не звезда по имени солнце служит источником Его. Тот свет не обжигает, не причиняет ни боли, ни страдания. И я слышал голос Господа миров! Он говорил со мной, грешником...

Часто так бывает, что мы таимся от родных и близких, но готовы излить всю душу свою первому встречному... Я рассказывал Мише о жизни после смерти, ничуть не переживая о том, поверит он мне или примет за сумасшедшего. Я открыл ему всё без утайки и не увидел в глазах его ожидаемого

сомнения.

– Андрей, такая странная история со мной случилась... – сказал он с улыбкой на губах. – Я ведь тоже не знаю, как оказался у моста. Я не собирался сегодня выходить из дома, честное слово!

– Это Господь послал мне тебя! Не иначе... Но вот мы и пришли.

Я позвонил, – вскоре появилась горничная – симпатичная брюнетка лет тридцати. Я с ней когда-то заигрывал, и теперь она лукаво улыбнулась мне.

– Отец дома?

– Да.

– Не обижает тебя?

Она засмеялась.

– Миша, проходи, не стесняйся. Чувствуй себя как дома.

Отец в этот день недели, – а была суббота, – как обычно, работал в своём кабинете; меня ожидал весьма нерадушный приём.

– Почему выключил телефон? Я до тебя не могу дозвониться! – прокричал он, не замечая скромно стоящего в дверях гостя.

– Папа, представляю тебе – Михаил Князев. Он спас мне жизнь сегодня, и это отнюдь не преувеличение!

Отец изменился в лице:

– Что случилось?

Я бегло придумал историю о том, как мы с ребятами решили отдохнуть на берегу Урала, прогулялись по улице Советской, выпили пива в местной забегаловке...

«Будучи нетрезв, я упал с моста в реку, а Миша проходил мимо и кинулся мне на выручку. Если бы не он...»

Отец немного помолчал и обратился к гостю с улыбкой на губах:

– Михаил, спасибо вам за спасение моего сына! Вы очень смелый молодой человек. Как мне отблагодарить вас? Могу устроить в администрацию... Будете работать в Доме Советов.

– Я не сделал ничего особенного, – застенчиво улыбнулся Миша, – а работу я постараюсь найти себе сам...

Отец удивился:

– Вот, с кого бери пример, сынок, а то знаешься с какими-то отбросами, вроде этого Алексева...

– Гриша – не глуп, из него толк выйдет, если он постарается, – заметил я.

– Не знаю, что из него выйдет, но пока только вздор один... как и... – отец остановился и обернулся к гостю. – Знай, Миша, что в этом доме тебе всегда будут рады! Если что-то понадобится, смело обращай ко мне...

Дверь отворилась, и появилась Аня.

– Андрей, мы тебя не ждали, – сказала она с мягкой улыбкой на губах.

– Аня, послушай, какую штуку выкинул мой сын сегодня, – проговорил отец. – Он упал в реку и едва не утонул. Его вытащил из воды этот молодой человек. Прошу любить и жаловать – Михаил.

Она просияла улыбкой и протянула гостю свою руку:

– Спасибо вам за Андрея. Вы поступили как настоящий мужчина!

– Аня, как там Леночка? – спросил отец.

– Только что заснула.

– Полдень, – объявил он, взглянув на часы. – Миша, я не отпущу тебя без обеда.

Горничная сходила в гастроном и накрыла стол. Отец принёс бутылочку коньяка тридцатилетней выдержки, подаренную ему каким-то уважаемым гостем на День рождения. Он по-хозяйски разлил коньяк по рюмкам и произнёс тост:

– Михаил, за твоё здоровье! Было б побольше таких парней в России. Чтобы всякий раз, как мой сын будет тонуть, ты спасал бы его...

Я недоумённо качнул головой и подумал про себя: «Ты хочешь, чтобы я тонул, папа?» Смысл его слов мне открылся лишь многие годы спустя...

Отец расспросил гостя о его родителях. Папа Миши работал на заводе, где в советское время выпускали ракеты, а

мама его была учительницей.

– Какое совпадение! Моя мама тоже работала в школе, но болезнь слишком рано отняла её у меня... – сказал я, и за столом повисло неловкое молчание. Я взглянул на отца и вспомнил, каким он был угрюмым после смерти матери. Аня помогла ему пережить ту чудовищную боль, которая способна довести до отчаяния. Он вновь обрёл смысл жизни, в дочке Леночке души не чаял и выглядел счастливым человеком. Я, наконец-то, осознал, сколь глупа была моя обида на него...

За столом зашёл разговор о причинах мирового финансового кризиса.

– Андрей, а ты об этом что думаешь? – спросил отец.

– О чём? – насторожился я.

– О кризисе, или ты не знаешь, что в мире происходит? Тебе это не интересно?

– Очень интересно! – усмехнулся я. – А думаю я вот что. Международные компании разместили в Китае свои производства, и эту страну кризис едва ли затронул. Мы слишком зависим от заграничных поставок. Проще закупать за рубежом, чем поднимать своё собственное хозяйство. Это политика, не устремлённая в будущее: она обречена на провал! Деревня загнивает, но упадок села начался ещё в советское время... Разруха в головах! Начинать надо с воспитания, – мы должны вырастить новую расу людей...

– Ты поосторожнее с такими словами – в Третьем рейхе

тоже новую расу людей пытались вырастить. Всем известно, что из этого вышло! – мрачно сказал отец.

– Я говорил о другом. Впрочем, твоё замечание – уместно.

– Согласен, что сырьевая направленность экономики чревата последствиями. Падение цен на нефть стало причиной экономических трудностей накануне распада Союза...

– Распад Советского Союза, – возразил я, – явился следствием не экономических трудностей, а того, что всякой империи, основанной на насилии, рано или поздно приходит конец... Государство должно обладать рычагами воздействия на экономику и собственными производственными ресурсами. Но как найти золотую середину, грань между сильным государством и деспотизмом? Этот вопрос остаётся открытым... Думаю, никакие реформы не помогут, нам нужна революция, чтобы сломать одну систему и заменить её на другую...

– Ты, случайно, не вступил в компартию? – удивлённо усмехнулся отец.

– А ты не порвал ли с «Единой Россией»? – съязвил я. – Нет, я, по-прежнему, не стеснён рамками узкопартийных интересов. Партии приходят и уходят. Мне не нужна великая партия, мне нужна великая Россия! И я любой ценой достигну своей цели...

– Звучит зловеще, – недоуменно качнул головой отец. – Впрочем, мне нравится, что тебя посещают серьёзные мысли... Но ты не прав, если думаешь, что наше правительство

ничего не делает, чтобы преодолеть последствия кризиса. Поддержку оказывают крупнейшим предприятиям, которые составляют костяк экономики страны; по-прежнему, работают социальные программы, национальные проекты, в том числе по материнскому капиталу. В последние годы мы добились заметных успехов, и в этом заслуга команды Путина и Медведева...

– Медведев – юрист-цивилист, – улыбнулся я, – но как политик – весьма слаб. Неслучайно, что его хорошо встречают на Западе! В августе восьмого я, было, стал уважать его: честно говоря, не думал, что он решится ввести войска в Грузию. Жаль, что кровь наших солдат и миротворцев пролилась напрасно! Из победы надо извлекать выгод по максимуму, тем более, если война была начата не нами! Политика компромиссов не приводит к долгосрочным результатам. Слишком много у чиновников власти... Нам нужен такой политик как Иосиф Сталин, который будет держать своих подчинённых в узде, погоняя кнутом и балуя пряником.

– Ты и впрямь говоришь как коммунист... Хочешь, чтобы страна была похожа на лагерь за колючей проволокой?

– Ты знаешь, папа, Солженицын, который написал «Архипелаг ГУЛАГ», задал вопрос: «Как нам обустроить Россию?», а Сталин ещё раньше ответил на него... Но ты не прав – я отнюдь не разделяю взгляды коммунистов; они стремятся к благополучию на Земле, но это всё равно, что искать чёрную кошку в тёмной комнате, особенно, если её там нет.

Сломать систему способен политик уровня Петра Великого, решительный до безрассудства, как царь Иван, и с мужеством Дмитрия Донского. В наше время таких игроков на политической сцене просто нет! Путин осторожничает и, думаю, правильно делает – разозлить диких пчёл просто, но как усмирить поднявшийся улей? Грядёт пятая переломная эпоха, которая расставит всё по своим местам...

Отец задумался:

– Ты говоришь умные вещи, Андрей! Признаюсь, я удивлён...

Когда на кухню вбежала маленькая девочка, всё внимание переключилось на неё. В свои три года моя сестрёнка была кудрявым весёлым ребёнком с ямочками на щёчках. Алёнка бросилась к папе на руки и, как птичка, защебетала что-то тоненьким детским голоском. После обеда она привела меня в свою комнату, всё пространство которой было завалено игрушками.

«В моём детстве столько игрушек не было», – подумал я с ревностью, но тотчас пожалел о своих мыслях. Алёнка показывала мне своих кукол, Миша стоял в сторонке, но вдруг она поднесла ему большую куклу-малыша и сказала:

– Давай играть: ты будешь папа, я – мама...

Отказать маленькой девочке скромный парень просто не

мог. Я глядел, как Миша играет с моей сестрёнкой, и он сам казался мне беззаботным и простодушным ребёнком...

Отец позвал меня в свой кабинет.

– Тебе год осталось учиться, – сказал он. – Какие у тебя планы на жизнь?

– Планы? – усмехнулся я. – Наполеоновские! В жизни удача многое значит. Где я это слышал? Впрочем, неважно. В Москву мне надо...

– Все большие люди начинали с провинции, – заметил отец. – Путин с Медведевым тоже не сразу оказались в столице...

– Путин в нужный момент попал в поле зрения Ельцина и «перетащил» Медведева из Петербурга, – с жаром проговорил я. – Мне пора начинать свой путь!

– Ты говоришь как-то странно, – сказал отец, заглядывая в мои лихорадочно блестящие глаза. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, да... – рассеянно отвечал я, крепко сжимая рукой спинку стула.

– Не стану удерживать тебя в Оренбурге. Решил покорять столицу – это твой выбор. Чем могу, я помогу тебе. Правда, связей в Москве у меня немного. Но есть знакомый в городской мэрии... Впрочем, не будем забегать далеко вперёд. Сначала тебе надо окончить институт и отслужить год... А, что ты так побледнел, армии испугался?

Я сделал несколько неверных шагов в сторону дивана, но в этот миг свет померк в глазах моих...

Когда я пришёл в себя, оглянулся и увидел обеспокоенные лица: отец, Аня, Миша, горничная, – все собрались вокруг меня. Я поднялся с дивана.

– Ну, и напугал же ты нас! – взволнованно говорил отец. – Я уже хотел вызывать скорую...

– Не надо. Ничего. Всё в порядке.

– Но ты упал в обморок: тебе надо пройти обследование, – заботливо промолвила Аня.

– Нет, не надо, всё в порядке. Мне пора идти, да, ещё Мишу проводить до дома.

«Ты его так и отпустишь?» – прозвучал голос Ани. Отец встретился с ней глазами: «Он взрослый человек!»

– Что? – спросил я. Они растерянно взглянули на меня и промолчали.

Мы вышли на улицу поздним вечером, когда солнце спускалось в мрачное подземелье, озаряя небеса багряным светом.

– Всё-таки ты должен был остаться. Я и один дойду до дома, – сказал Миша.

– Ты где живёшь? – спросил я.

– Тут недалеко, на Аксакова.

– Стало быть, в центре города?

– Я снимаю комнату.

– В гости пригласишь?

– Я живу здесь, – объявил Миша, подходя к калитке деревянного дома, весьма похожего на обветшалый барак.

– Удивительно, что подобные здания ещё сохранились в центре города, – с усмешкой заметил я.

– Да, это не двухэтажный особняк твоего отца, но и здесь живут люди... – грустно улыбнулся он. – К сожалению, многие жители городов ютятся в крохотных комнатах подчас и без удобств. Посмотришь, как я живу?

Мы прошли через калитку, лишённую одной створки, и оказались в тёмном коридоре. Впереди была дверь с цифрой «два».

– У меня пятая комната, – сказал Миша. Коридор свернул налево. Грязь и ветхость – повсюду... Я увидел первого жильца этого дома – казашку со столь мрачным выражением лица, что мне стало немного не по себе.

– Здравствуйте, тётя Зина, – приветствовал её Миша, она вопросительно посмотрела на меня. Мы шли дальше. Наконец, Миша открыл дверь, и я увидел его комнату. Это была, скорее, келья монаха, маленькая и тёмная, правда, с высоким потолком. Всплыл в памяти отрывок из «Преступления и наказания» Достоевского: каморка, в которой ютился Раскольников...

Мы пили чай с печеньем и смотрели новости по чёрно-белому телевизору.

Я пришёл домой уже за полночь и ложился спать, но мой взор остановился на книге в чёрном кожаном переплёте. Я развернул её... Это была Библия, которую мне когда-то читала мама. Я взял её из дома отца при переезде как напоминание о своём детстве, но положил на полку и с тех пор ни разу не доставал...

Теперь я раскрыл Священное Писание на Евангелии от Матфея и прочёл: «иди за Мною, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов».

«Странная фраза. Что она значит?» – подумал я и углубился в чтение.

На другой день проснулся поздно и ещё долго пребывал в размышлениях: «О Святой Руси говорит патриарх. Но где же она – эта святость? Разве святость в погоне за деньгами, в суете и равнодушии, которые захлестнули наше общество? Молодёжь ищет развлечений, зрелые люди крутятся на работе да ждут отпуска, чтобы отдохнуть на заграничном курорте. На большее фантазии не хватает. О Боге не вспомнят, пока жареный петух не клюнет... Нет, не осталось святости на Руси! Кругом одни пороки и совершенное непонимание

истины, которая от Бога исходит...»

Звонок в дверь вспугнул мои мысли, и я нехотя поплёлся открывать. На пороге стоял Ваня Абросимов. Я протянул ему руку.

– Через порог не здороваются, – заметил он и оказался в моей квартире. – Где зависаешь? В клубе сегодня компания собирается...

– Мне некогда, – оборвал я речь его, – к сессии надо готовиться...

– Да брось ты! Уйма времени ещё! Сходи и развейся... Что тебе делать-то?

– Это всё, что ты мне хотел сказать? – нетерпеливо молвил я.

– Ты чего так напрягся? – он искоса взглянул на меня. – Девчонки наши придут! Маринка будет из 43-ей группы. Она сохнет по тебе. Прямо из штанов лезет!

– Что ты несёшь? – усмехнулся я.

– Тебе даже делать ничего не надо... А, может, ты и впрямь влюбился в Светлану Михайловну? Говорят, даже подрался с Гришкой из-за неё...

– Это тебя не касается! – грубо отвечал я.

– Да что с тобой такое происходит? – не унимался Ваня.

– Думаю, тебе пора... к девчонкам, – я кивнул на дверь. Он ушёл не попрощавшись.

«Как они мне надоели! – негодовал я, возвращаясь в

спальню. — Пустозвоны и бездельники. Думают только о себе. Девочки. Игрушки. Но ведь и я таким был...»

Я вспомнил о Мише Князеве и позвонил ему. Мы встретились у моста через Урал.

— Я бы хотел поговорить с тобой... — начал я и умолк. Миша терпеливо ждал, а я искал глазами надпись на белокаменной ограде, но найти так и не смог.

— Что с тобой? — спросил Миша.

— Всё в порядке. Я ищу ответ на один вопрос, что терзает мою душу. Быть может, я обратился не по адресу, да только... Вот, наш патриарх говорит о святости России. Но духовности в этом народе, как мне кажется, не осталось. По крайней мере, я её не вижу! Повсюду распущенность и жажда удовольствий, погоня за деньгами...

Миша молчал. Дунул ветер. Я разглядывал рябь на воде и ждал его ответа.

— Андрей, — наконец, подал голос он, — ты говоришь, что не осталось духовности в нашем народе... Но знаешь ли ты его? Народ — это не просто совокупность (математическое сложение) людей, а образование более высокого порядка! Ты знаком с отдельными людьми, судишь по ним да и сам живёшь своими страстями. В условиях глобализации трудно сохранить собственную культуру и уклад жизни. Но, ты думаешь, в прежние времена люди жили иначе, у них были другие заботы, тревоги и радости?

— Я думаю, чем больше свободы, тем меньше нравствен-

ности, — мрачно заметил я, — и духовность в обратной зависимости от материальной обеспеченности. История России — это войны и лишения. За последние десятилетия этот народ отвык от трудностей, он получил свободу, с которой не знает, что делать... или, точнее, знает, но выбирает лёгкий путь и не стремится к высоким целям.

— Обыватели были и будут всегда, — горячо возразил Миша, — но не они образуют ядро народа! Ты говоришь о трудностях... В годы Великой отечественной войны люди шли на смерть за Родину! Сталинград был превращён в руины, бои шли на улицах разрушенного города за каждый дом. Они стояли, они держались и гибли тысячами! До сих пор неизвестно точное число павших в той битве. А сколько полегло на Мамаевом кургане? Конечно, приказ «Ни шагу назад», коммунистическая пропаганда сыграли свою роль, но не они определили исход борьбы, а сила духа нашего народа, возвращенная на земле, за которую испокон веков сражались наши предки... Сила духа, что помогла выстоять жителям блокадного Ленинграда, сила духа, что вдохновляла на подвиг советских солдат, дошедших до Берлина! А что было в Европе? Французы спустя два месяца после начала войны сдали свою столицу немцам...

— То было в годы войны, Миша, — вздохнул я, — во времена трудностей и лишений. С тех пор много воды утекло, и страна стала другой!

— Мы ждали перемен, и они настали. Но посреди моря сво-

боды, в котором ныне барахтается русский народ, поднимаются из пучины островки грядущего возрождения России! В начале марта 2000-го года девяносто десантников 6-й роты Псковского батальона в лесах под Аргуном преградили путь отряду арабских наёмников в две с половиной тысячи человек. Они не отступили, приняли неравный бой и погибли, вызвав артиллерийский огонь на себя... И ты мне говоришь, что не осталось мужества в этом народе?! Это неправда! Кровь предков течёт в наших жилах; русский дух жив и поныне.

Он говорил столь воодушевлённо, что глаза его светились лихорадочным блеском, а по лицу катилась слеза... Я был восхищён: в скромном на вид парне была скрыта удивительная сила.

– Миша, ты молодец! Я прежде не встречал людей, которые бы так верили в свой народ. Мне есть чему у тебя поучиться.

После сессии я уехал на каникулы в город А. в гости к тёте по отцовской линии. Она работала в школе, а руководство заставляло всех учителей постигать компьютерную грамоту. Пришлось проводить с ней ликбез по информатике, но старшее поколение было далеко от современной техники, и тётёсия наука давалась с трудом. После месяца занятий по мето-

ду доктора Геббельса² мне удалось обучить её работе в текстовых программах.

Каникулы подходили к концу, но я не горел желанием возвращаться в Оренбург, в город, где остались непростые воспоминания. Тётя заметила грусть на лице моём.

– Всё хорошо, – отвечал я на её беспокойство.

– Нет, – настояла она, – я вижу, с тобой что-то происходит. Рассказывай.

– Говорят, человеку свойственно ошибаться, но... за свои ошибки неизменно приходится расплачиваться, – задумчиво проговорил я.

– Не надо грустить о прошлом. Студенческие годы – лучшее время жизни! Ты молод, у тебя ещё всё впереди. Веселись, живи полной жизнью...

– Да, хороший совет, – усмехнулся я. – Я чувствую пустоту в своей душе, и её не утопить в веселье. Я пребывал в сладких грёзах, а теперь проснулся в ужасной реальности...

– Мудрёно говоришь, – прыснула от смеха тётя. – Это вас на занятиях по философии учат?

– На философии такому не научат, – заметил я с улыбкой на губах.

– Это просто хандра, Андрей, которая бывает с каждым, – вздохнула тётя и подумала о своём возрасте: «Где мои двадцать лет?» Я удивился: «Она не сказала этого вслух. Я прочёл её мысли? Неужели это тот самый Божий дар?»

² Его суть в многократном повторении – прим. авт.

Студенческие годы навсегда остались в моём сердце осколком, причиняющим страдание...

По возвращении в Оренбург моя жизнь изменилась. Отныне свой досуг я проводил дома за чтением книг. Приятели меня не поняли и с обидой отвернулись от меня. С тех пор при встрече с ними я ограничивался лишь приветствием и рукопожатием. Девушки шептались у меня за спиной. Однажды староста группы Ирина, высокая кареглазая брюнетка, что была не в моём вкусе, спросила:

– Андрей, как ты? Ты изменился! Может, влюбился?

– Да, в тебя! – сказал я и взорвался от смеха. Она отшатнулась от меня как от зачумлённого.

Единственный, с кем я мог поговорить по душам, был Миша Князев. В те месяцы я читал Библию, и он лучше любого священника отвечал на мои вопросы. Однажды я спросил у него:

– Бог есть любовь, но отчего на Земле столько страдания?

– Ответ на этот вопрос даёт ветхозаветная книга Иова. У Иова были стада, слуги, дети, известность, но он лишился всего в одночасье. Господь во имя испытания его веры предал Иова во власть сатаны, что поразил его проказою. Путь к вере пролегает через нелёгкие испытания. В книге пророка

Даниила сказано, что люди страдают для испытания и очищения! – проговорил он, и я снова подивился его знаниям и мудрости.

Время летело, и подоспела пора выпускных экзаменов. В составе комиссии сидела моя старая знакомая – Светлана Данилова, о которой я не вспоминал с прошлой весны. На вопросы по билету я ответил без затруднения, но седовласый профессор из Москвы дополнительно спросил:

– Молодой человек, скажите, какое максимальное наказание предусматривает КоАП за мелкое хулиганство?

Этот вопрос меня поставил в тупик. Я заглянул в глаза Даниловой, словно в надежде найти в них подсказку, и – о, чудо, в моей голове прозвучал голос её: «Андрей, административный арест на 15 суток!»

Я повторил услышанное вслух и получил отметку «отлично», а вечером пришёл в гости к Мише Князеву и взволнованно всё ему рассказал. Он немного помолчал и спросил:

– Скажи, о чём я сейчас думаю?

Я нахмурился:

– Ты хочешь проверить, правду я говорю или нет?

– Я хочу, чтобы ты умел пользоваться своим даром.

– Стало быть, ты веришь, что можно читать чужие мысли, и не считаешь меня сумасшедшим?

– Просто ответь на мой вопрос – о чём я думаю?

Я недоумённо качнул головой:

– Понятия не имею!

– Постарайся.

– Не дави на меня!

Мы едва не поругались.

– Андрей, загляни в себя и, быть может, тогда ты сможешь управлять своей способностью, которая принесёт тебе знание о людях, что окружают тебя, – сказал Миша на прощание.

Я шёл от него и думал: «Если всё так, как он говорит, значит, я буду знать, кто предан мне не на словах, а на деле, на кого можно положиться, кто готов пойти со мной до конца!»

Глава пятая. В армии

В начале столетия матери боялись отпускать своих сыновей в армию. Сообщения о самоубийствах солдат, на телах которых находили синяки от побоев, были не редкостью. Ребята гибли в мирное время... В министерстве обороны придумали многочисленные послабления, срок службы сократили до года; в казармах разрешили пользоваться мобильными телефонами, но молодые люди продолжали изыскивать способы уклонения от исполнения воинского долга. В столице появились адвокаты, которые на полулегальных основаниях за весьма неплохие гонорары освобождали от призыва.

Однако мой отец был человеком старой советской закалки и хотел, чтобы я служил. «Дед твой, – напутствовал он меня, – до Берлина дошёл, был награждён орденами и медалями! Я служил два года, тебе всего-то годик продержаться надо. Ты, надеюсь, не подведёшь меня? И не пугайся дедовщины – она была и в моё время! Уважай старших, и всё будет хорошо...»

Я служил в воинской части в Хабаровском крае. Помню, после присяги старослужащие собрали нас в казарме, чтобы провести разъяснительную работу.

– Духи, салаги, забудьте, что было на гражданке, – с улыбкой на губах говорил рослый рядовой Иван Кольцов, – сейчас вы дерьмо собачье, но за этот год из вас вылепят насто-

ящих мужиков. Уважать и ублажать дедушек – ваш единственный закон. Мы знаем, что вам нужно. Избавьтесь от всего лишнего. Деньги – зло! В этом году они вам не понадобятся... Делитесь, сынки, и Родина вас не забудет!

Мы отдавали деньги, но рыжий худощавый паренёк Костя возмутился:

– Вы не имеете права, это беспредел!

– Ты юрфак заканчивал или на зоне сидел, умник? – спросил Кольцов и преподал молодому первый армейский урок. Он подошёл, ухмыляясь, и нанёс бедняге удар кулаком в живот. Костя согнулся и застонал. Кольцов обвёл взглядом молодое пополнение:

– Ну, кто ещё хочет поговорить о своих правах?

Желающих не оказалось... Мы приуныли. Первые полгода нам нередко приходилось выполнять поручения старослужащих: застилать кровати, чистить их обувь, стирать и выглаживать их обмундирование. Костя «летал» больше остальных. Ему часто доставалась самая неблагоприятная работа. Кольцов получил две лычки на погоны и Костю «посылал на очки»: чистил паренёк казарменные унитазы... иногда зубной щёткой.

Костя жаловался мне на произвол старослужащих, но, увы, помочь ему я не мог. В разговорах со мной он немного отводил душу.

– Косить надо было от призыва! Где справедливость? Бо-

гачи платят военному и отмазывают своих деток от армии...

Я рассказал ему о себе. Он удивился:

– Отчего твой батя не помог тебе откосить от армии?

– Отец считает, что служба делает из парня мужчину.

– Армия, как и тюряга, мужиков в садистов превращает, – возражал Костя.

– Они не такие уж и плохие, – заметил я. – Просто надо с уважением относиться к людям.

– Не тебя ли они ночью посылали за водкой? – усмехнулся Костя.

Да, подчас не было покоя и после отбоя. Однажды меня разбудили посреди ночи...

– Дух, подъём, – прозвенело в моём ухе. Я вскочил с перепуга и принялся одеваться. Старики покатались со смеху. Я увидел лицо рядового из старослужащих Ермакова.

– У дедушки Вани днюха, – сказал он. – Душара, добудь нам водки и закуски.

– Где? – растерянно спросил я.

– Мне плевать, – взревел Ермаков. – Укради, роди... Мигом убежал!

– Я убегу и «рожу» да только ради товарища младшего сержанта, – смело проговорил я и бросился к выходу. Меня остановил голос Кости, который стоял дневальным на тумбочке:

– Куда ты?

– «Рожать водку и закуску», – усмехнулся я.

– В посёлок?

– А куда ещё?

– Деньги-то есть у тебя?

– Немного. Едва ли хватит...

– Подойди.

Он достал из кармана, кажется, сторублёвку и протянул мне.

– Не надо.

– Бери, говорю!

Я взял деньги и выбежал из казармы на плац; юркнул в темноту, перемахнул через каменный забор, поранил руки, но, не чувствуя боли, метнулся в посёлок. По счастью, в магазине горел свет. Тогда я, запыхавшись, ворвался в дверь и протянул испуганной продавщице деньги. Женщина с сочувствием взглянула на меня и положила в пакет водку, хлеб, палку колбасы и пачку сигарет. (Видимо, я был не первым на её памяти, кто пытался «родить», прибегая в этот магазин!)

– Я этого не просил, – заметил я, возвращая сигареты.

– Пригодится, – сказала продавщица, улыбаясь. Я поблагодарил и бросился в распоряжение части... Вернулся в казарму, отдал старослужащим всё, что удалось добыть в «самоволке», промыл водой с мылом раны на руках и лёг спать... Кольцов с тех пор меня стал уважать, а однажды даже заступился.

Как-то раз я столкнулся с Ермаковым в располаге, он застал меня врасплох глупым дембельским вопросом: «Сколько дней до приказа дедушке осталось?»

– Не знаешь, душара! Нехорошо... Упор лёжа принять!

Я нехотя повиновался и под счёт «раз-два» начал отжиматься. Но ему этого показалось мало. На «раз» я опустил-ся, а он сел мне на спину... Я выбивался из последних сил и едва не рухнул на пол, когда Ермакова окликнул Кольцов:

– Пашка!

Ермаков сошёл с меня, а я поднялся и отдышался. Они о чём-то говорили, поглядывая в мою сторону. «Ты совсем спятил? – внезапно донёсся голос Кольцова. – Ты знаешь, кто его отец?»

С тех пор меня не трогали, а Косте доставалось... Его били, когда никого из офицеров не было в казарме. Однажды он умывался, а я заметил синяки на его теле, но не стал задавать вопросов...

Что ещё я помню из своих армейских будней? Помню, как по субботам всей ротой отмывали казарму, разводя чудовищную пену на паркете, помню, как стоял на тумбочке дневальным, когда подходила моя очередь, помню ночь, когда моя жизнь висела на волоске...

После отбоя я рухнул на кровать и мгновенно заснул. И увидел я прекрасный образ. Машенька... Улыбка озаряла лицо её; издали доносился звонкий девичий смех: она бе-

жала по зелёной полянке, залитой светом, с букетом цветов в руке. Но вдруг остановилась, и тень грусти легла на лицо её... Налетел ветер, и в шелесте листьев я услышал:

– Я жду тебя, Андрей!

Я бежал к ней, выбиваясь из сил, но она отдалялась от меня, будто уплывала в безбрежное зелёное море... И где-то в вышине прогремел голос: «Папенькин сынок, ты пожалеешь, что появился на свет...»

Я очнулся, в полумраке что-то блеснуло...

Мой мозг мгновенно осознал угрозу. Я перехватил занесённую руку с ножом, пригляделся и узнал Ермакова. Безобразное лицо уголовника! Итальянец Ламброзо мог бы привести его в качестве доказательства своей теории...

Ермаков тянулся к моему горлу, я сдерживал его, но моя рука слабела от напряжения... Наконец, я изловчился и нанёс ему удар по голове; скинул с себя одеяло и ногами оттолкнул его к стене. Вскочил с кровати и приготовился к новому нападению. Мои товарищи не соизволили вмешаться и делали вид, что спят.

Ермаков поднялся с пола и растерянно проговорил:

– Кто тебя предупредил?

– Я чутко сплю и слышал твои шаги, – отвечал я, заглянув сквозь темноту в глаза его.

– Это вряд ли, – возразил он.

– Ты хотел убить меня? – я недоумённо пожал плечами. – Но это же глупо! Нашли и посадили бы...

– А мне плевать, что ты думаешь! – взревел Ермаков. – Терпеть не могу мажоров таких как ты! Вы приходите на всё готовенькое: деньги, машины, квартиры, бабы липнут в ночных клубах... Почему пока одни с жиру бесятся, не зная, куда деньги девать, другие вкалывают на трёх работах и едва сводят концы с концами?

– Так устроен этот мир, – отвечал я. – А Свет ещё надо заслужить!

– Что за бред ты несёшь? – вскричал он.

– Да ты прав насчёт меня... Как ты сказал – мажор? – я усмехнулся. – А, может быть! Хотя у меня и машины-то нет. Но должен огорчить тебя – насилием в этом мире нельзя добиться справедливости! А, впрочем, если хочешь – убей меня. Один человек – это словно капля в море! Мир обо мне и не вспомнит.

Ермаков немного постоял, а потом скрылся из виду...

Вскоре вышел очередной приказ об увольнении в запас; мы распрощались с нашими стариками, а пришло новое пополнение, и сами стали дедами. Костя воспрянул духом и решил отыгаться за свои унижения на молодых. Знакомые слова вошли в его речь: «убежал... роди... упор лёжа принять!»

Я пытался образумить его, но он не прислушался ко мне.

Шла военная реформа, росло денежное довольствие офи-

церов, контракт всё прочнее входил в жизнь армии. Неуставных отношений, кажется, стало меньше. Но престиж военной службы было нелегко возродить...

Почти незаметно пролетела вторая половина службы. Незадолго до дембеля я в первый раз позвонил домой.

– Андрей, мы будем встречать тебя! – отвечал обрадованный голос отца. – У нас всё хорошо. Миша иногда заходит, спрашивает, как ты служишь... Почему ты до сих пор не звонил?

– Нельзя было, отец, это армия! – отвечал я и покраснел от стыда.

В парадной форме я сошёл с поезда. На перроне стояли отец с Аней. Она первой увидела меня и помахала рукой. Отец окинул меня долгим изучающим взглядом:

– Тебя так сразу и не узнать: возмужал, даже немного поправился...

Аня обняла меня по-дружески:

– Привет, защитник Отечества! Мы тебя ждали.

Отец подкатил к железнодорожному вокзалу Оренбурга на новой машине.

– Стало быть, со «старушкой» распрощался! – улыбнулся я. – Что ещё новенького?

– В Москве работа ждет тебя, – задумчиво промолвил отец. – Но об этом после...

Долгий путь остался позади. Неужели я дома?! Мне навстречу выбежала Алёнушка, которая оставалась с няней. Я подхватил её на руки:

– Как выросла-то, сестрёнка! Скоро меня догонишь...

Мы сели за стол. Я с вечера ничего не ел, был страшно голоден и уплетал за обе щёки...

Отец ходил за коньяком, но ещё свежо в памяти было дембельское веселье, и я прикрыл рюмку рукой.

– Сегодня у тебя особенный день, а ты не выпьешь? – удивился он.

– Ничего особенного, – день как день! – я равнодушно пожал плечами. – До праздника ли мне теперь, когда предстоят трудовые будни?! А что за работа в Москве ждёт меня?

– Ты помнишь Бибикова? – спросил отец.

– Нет, а кто это?

– Ну как же! Твой тёзка – Андрей Геннадьевич Бибиков. Часто приходил к нам в гости в городе А.

Я засмеялся:

– Так много воды утекло с тех пор! Нетрудно забыть.

– Мы с ним вместе работали в городской администрации, – продолжал отец, – ещё раньше нас он в Оренбург переехал, а затем какой-то родственник «перетащил» его в Москву. Он дорос до заместителя мэра и предлагает тебе вакан-

сию юриста...

Я задумался:

– Стало быть, мэрия... Это, пожалуй, удача!

– Будем надеяться, что она не оставит тебя и в будущем...

– Не сомневаюсь, – я скривил губы в усмешке. – Спасибо, папа, за твою заботу. В Москве, кроме того, мне надо получить второе образование. Я хочу поступить в МГИМО...

– Что? – отозвался без восторга отец. – Зачем тебе это надо? Хочешь всю жизнь провести в какой-нибудь африканской стране? Дед твой... и тот не доучился на дипломата, бросил...

– Дед? О чём ты?

– Дед твой. Кажется, Александр Михайлович Литвинов. Мать твоя была в девичестве Литвинова...

Тогда я вдруг вспомнил пожилого господина, который приезжал на похороны матери:

– А где он? Что с ним?

– Он жил в Новосибирске... Ни слуху, ни духу уже много лет, с самих похорон! – отец задумался. – Ладно, о твоей учебе мы ещё подумаем. Я тебе, конечно, буду помогать в первое время, пока не встанешь на ноги. Да, чуть не забыл. К тебе приходила девушка... вроде Марина её зовут?

Аня кивнула, улыбаясь при этом.

– Марина. Марина... – проговорил я, пытаюсь вспомнить знакомых девушек с этим именем. – А что она приходила-то?

Я обратился к отцу, но ответила Аня:

– Она волновалась за тебя, Андрей, расспрашивала, как идёт твоя служба и когда ты вернёшься... Оставила свой номер телефона и просила, чтобы ты позвонил ей.

– Да, в 53-ей группе была одна Марина... – я улыбнулся, вспомнив, что мне говорил о ней Ваня Абросимов.

«Может, с невестой поедет в Москву?» – подумала с улыбкой на губах Аня.

– Нет, об этом и речи быть не может! – вспыхнул я. Они вдвоём с недоумением уставились на меня. Я встал из-за стола и набрал номер Марины.

– Алло, – раздался тёплый женский голос в трубке.

– Привет, это Андрей Романов! – сказал я, а сердце ёкнуло от боли.

– Привет, Андрей, с приездом! – обрадовалась девушка.

– Давай, встретимся на Советской, у моста, – предложил я. – Знаешь, где это?

– Да, – отвечала она. – Во сколько?

– Через час я буду ждать тебя там.

Я попросил у отца деньги и купил по дороге букет красных роз.

Осень. Обнажённые деревья. Хмурое небо. В воздухе чувствовалось приближение холодов. Марина стояла подле белокаменной ограды в прелестном голубеньком платице. Я приветствовал её и протянул цветы:

– Хорошо выглядишь!

Лицо девушки озарилось улыбкой:

– Спасибо. Ты вчера приехал?

– Сегодня, – отвечал я. – Пять тысяч километров от Хабаровска; почти неделю добирался до дома.

– Как служба прошла?

– Да, всё отлично. Хорошие товарищи попались.

– А... дедовщина, о которой столько говорят? – с тревогой спросила она.

– Дедовщина, – усмехнулся я. – Она в нашей армии ещё с советских времён! Это болезнь всего общества: найдём лечение, и проблема отпадёт сама собой... Впрочем, я смотрю, ты легко одета!

Внезапно дунул холодный северный ветер, мы зашли в ближайшее кафе и заказали по чашке кофе.

– Неужели ты меня ждала? Почему?

Она смутилась и подумала про себя: «Я люблю тебя».

Я покачал головой:

– Нет, Марина, это невозможно!

– У тебя есть девушка?

Я вздохнул:

– Не в этом дело. Я и так слишком многим причинил боль, не хочу портить жизнь ещё и тебе!

– Не понимаю. Ты не похож на счастливого человека! – заметила она.

– А что такое счастье? – грустно улыбнулся я. – Оно возможно? Мне не будет покоя, пока я не достигну своей цели! Но это путь длиною в целую жизнь...

– Когда я в первый раз увидела тебя, – говорила она, – ты был весел, а потом стал вдруг грустным и задумчивым, но таким ты нравишься мне ещё больше. Ты не испугался армии... Ты необычный!

Я покачал головой:

– Ты просто ничего обо мне не знаешь! У меня были девушки, которых я...

Она перебила меня:

– Прошное неважно! Я знаю, какой ты...

Я мрачно проговорил:

– Ты хочешь, чтобы я поиграл с тобой как с куклой, а потом бросил без жалости и сострадания, как поступал с другими? Скажи, ты этого хочешь? Одна моя девушка забеременела, я не хотел этого ребёнка, она сделала аборт и уехала, назвав меня чудовищем и убийцей... Теперь я тебе рассказал правду о себе!

Своими жестокими словами я довёл хрупкую девушку до слёз; она выбежала из кафе, оставив на столике букет красных роз. Я расплатился за кофе и вручил официантке цветы. Она игриво заулыбалась и что-то сказала, но я не дослушал

и поспешно вышел из кафе. Дома столкнулся с отцом.

– Как дела? – спросил он.

– Теперь всё в полном порядке, – отвечал я с улыбкой на губах.

– Когда – в Москву?

– Чем раньше, тем лучше! Поеду на поезде. Хочу свою страну посмотреть...

Конец первой книги

Книга вторая. На пути к власти

Глава первая. Москва и москвичи

Поезд стоял на станции в Самаре... Дверь купе отворилась. Я поднял глаза от книги. Вошёл старик с посеребрёнными сединой волосами и глубокими морщинами на лице. Он приветствовал меня и сел у окна, глядя куда-то вдаль задумчивым взором. Я погрузился в чтение, забыв на время о попутчике. Поезд тронулся. Под убаюкивающее гроыханье вагонных колёс я задремал, но сквозь сон донёсся сильный командный голос:

– Москва и москвичи!

– Что, простите? – я очнулся и недоумённо уставился на старика.

– Ваша книга... Гиляровский «Москва и москвичи». Что нового пишут о столице?

Я едва удержался от взрыва хохота:

– Это книга о старой Москве рубежа 19-20 веков.

– И что же пишет автор? – любопытствовал мой собеседник.

Я заглянул в книгу и зачитал: «Шум, гам, ругань сливались в общий гул, покрываясь раскатами грома от проезжающих по булыжной мостовой площади экипажей, телег...»

– Стало быть, с тех пор ничего не изменилось! – глубоко-мысленно заметил он. – Конечно, с поправкой на современные средства передвижения...

– Вы – москвич?

– Я жил в этом городе...

– И что вы думаете о его жителях?

Мой попутчик долго молчал. Унылые осенние пейзажи проносились за окном вагона. Я пытался заглянуть в его глаза, но так ничего и не увидел...

– Стало быть, в Москву путь держите, молодой человек, – вдруг заговорил он. – И отчего вам дома не сидится? Что вы хотите найти в столице?

– Я еду работать! – грубо пробасил я.

– А в вашем городе совсем нет работы?

– Это похоже на допрос, – мрачно заметил я. – Вы, случайно, не служили в органах безопасности?

Он усмехнулся:

– Имею честь представиться – подполковник запаса Ларионов Дмитрий Сергеевич. ВДВ.

Я пожал его руку.

– Меня зовут Андрей. А... вы воевали?

– Служил в Афганистане, был списан по ранению. Андрей, а ты, я гляжу, после дембеля.

– Как вы догадались? – удивился я.

– У тебя взгляд человека, который знает, почём фунт ли-

ха! — усмехнулся он. — Андрей, ты спрашивал, что я думаю о жителях Москвы. Кто-то из классиков говорил о москвичках так: «люди как люди... только квартирный вопрос их испортил».

— Да, это слова Булгакова, — улыбнулся я.

— Вот-вот! Но дело-то не в квартирах. А в том, что Москва — это гнилое и гиблое место... Прошлым летом я был в столице проездом. Выхожу на перрон Казанского вокзала. И думаю — что за диво? Всё вокруг окутано густой пеленой дыма! Оказалось, из-за жары в Подмосковье горят высохшие торфяные болота...

— Да, я слышал об этом, — быстро проговорил я. — Вы спросили, что я хочу найти в столице. А почему едут в Москву со всех концов страны и из Ближнего зарубежья? Думаю, потому, что большой город — это большие возможности!

Подполковник Ларионов покачал головой:

— Город исполняет желания, но и обрекает на страдания. Москва увлекает в свои сети и засасывает как тряпина! Она будет требовать жертв: с каждым годом всё больше и больше... Увы, ты слишком поздно это поймёшь и не сможешь остаться самим собой!

Я задумался над его словами, в которых было что-то мистическое.

— И вас этот город изменил?

— И меня! — печально вздохнул мой собеседник. — Одно время я в Москве преподавал в Военной академии, потом

слёг в больницу с обострением хронического заболевания... Врач посоветовал сменить климат. И я уехал...

Недолго помолчали. Я первым нарушил тишину:

– Москву называют «третьим Римом». В 16-ом веке монах Филофей высказал эту мысль: «первые два Рима пали, третий стоит, а четвёртому – не бывать». Что вы об этом думаете?

– Да, согласен, – подхватил он. – Москва – это Рим, то есть «мир, вывернутый наизнанку»! Кстати, тебе известно, что в годы войны Куйбышев был второй столицей Советского Союза? В октябре 41-го года в разгар битвы за Москву туда было эвакуировано правительство страны. Сталин знал, что Самара – сердце России, а Волга – её главная артерия...

Я запомнил эти слова на всю жизнь.

– Москва, – продолжал мой собеседник, – это холодный город неприветливых людей с ледяными сердцами, где равнодушие и жестокости во сто крат больше, нежели в любом другом городе страны! В Москве ты познаешь горечь одиночества...

– Не сгущайте краски, Дмитрий Сергеевич, – усмехнулся я. – И в Москве живут люди. И в их сердца иногда стучится сострадание...

– Ты вспомнишь меня, парень, когда убедишься в правоте моих слов на своём опыте! Неужели тебе хочется жить среди торгашей и попрошаек в городе, где скоро русского днём с огнём не сыщешь? В Москве ты не найдёшь России! Поду-

май, ты ещё можешь вернуться назад... в свой тёплый уютный дом, где тебя окружают заботой и любовью. А пока... Угощайся. Моя дочка запекла чудесную курицу. Не пропадать же добру.

Я подивился: «И когда он успел выложить всё на стол?» В его руке появилась бутылка. Мы выпили. Что было потом, я помню с трудом. Кажется, я говорил, что уважаю его...

Наутро я проснулся, а подполковника Ларионова и след простыл. Я спросил у проводницы, на какой станции он вышел, но та затруднилась ответить.

– Как вы говорите – Ларионов? – удивилась женщина. – Но у меня нет его билета!

Я сходил с поезда. На перроне было многолюдно. Сквозь толпу пробрался в здание вокзала и метнулся в город, где на площади сел в такси. «Куда вам?» – спросил голос с акцентом, и, повернувшись, я увидел тёмного носатого армянина, сидящего за рулём.

– Отель «Метрополь».

Автомобиль мчался по улицам Москвы. Я оглядывался по сторонам. Первое, что бросается в глаза гостям столицы, это царящая кругом суматоха... Кажется, Москва – это вечный двигатель, который работает без перебоя. Стремитель-

но текут реки, в которых мелькают людские головы и руки. «Этот город напоминает огромный потревоженный муравейник», – усмехнулся я про себя.

Водитель молчал, но, заметив улыбку на моём лице, решил заговорить:

– Надолго в Москву?

– Быть может, навсегда, если понравится, – засмеялся я.

– Этот город – самый красивый в мире, – сказал армянин, но тотчас спохватился и добавил, – после Еревана, конечно...

– А что тут красивого? – небрежно обронил я. – Магазины, пестрящие вывесками-приманками? Устремлённые ввысь здания, среди которых кое-где ещё встречаются золотоглавыя церкви? Потоки ревущих машин? Серые дома, серые улицы, серые дороги. Серость кругом...

– Видели бы вы Москву ночью! Огни... Красивое зрелище! – не унимался упрямый армянин. – А вы сами откуда родом?

– Из Оренбурга.

– А, пуховый платок! – вспомнил он и улыбнулся. – Приехали учиться?

– Работать, – сказал я и подумал в негодовании: «Что тебе всё надо знать?»

Мы медленно ехали в плотном скоплении машин. Армянин внезапно расчувствовался:

– Третий год я работаю в Москве, чтобы прокормить свою

семью. Жена и трое детей. Они остались в Ереване.

– Часто с ними видитесь?

– Да какой там! Раз в полгода, а то и ещё реже...

– Говорят, Москва – нерезиновая, – сказал я, затаив улыбку в уголках губ. – А как к приезжим относятся москвичи?

– Да кому я тут нужен? – махнул рукой армянин и нажал на педаль газа.

Я задумался над его словами.

Такси остановилось возле отеля «Метрополь», водитель назвал сумму – у меня глаза на лоб полезли. Нехотя расстался с деньгами и вышел из машины. Я снял на одну ночь комфортабельный номер в гостинице и позвонил отцу. Он напомнил мне:

– Не забудь о работе.

– Завтра – на Тверскую... А сегодня поищу жильё. Сам знаешь, какие в Москве цены на недвижимость!

Интернет пестрел сообщениями о сдаваемых в аренду квартирах, но по номерам телефонов я неизменно попадал в агентства недвижимости. Платить деньги посредникам не хотелось, и я продолжал поиск до победного конца. Наконец, дозвонился до хозяйки однокомнатной квартиры, расположенной в Восточном округе столицы.

Сел в автобус, где познакомился с московским новшеством: турникетами и электронными карточками. На перекрёстке образовался затор, водитель снизил скорость и без конца тормозил; я думал, от этой качки у меня разовьёт-

ся морская болезнь... Наконец, показалось здание с буквой «М». Я вышел из автобуса и спустился в знаменитую московскую подземку. На переходе с одной станции на другую образовался затор не хуже дорожного, и мне раз за разом дружелюбно наступали на пятки... Сменив три вида транспорта, я достиг места назначения и нажал на кнопку домофона...

Хозяйка, женщина лет сорока, приятная во всех отношениях, показала мне квартиру, и мы договорились о цене. Я отдал деньги за три месяца вперёд, и взял с неё расписку.

Большой город нависал над головой серыми громоздкими домами. Я шёл по московской улице среди бегущих на работу людей со сплошь хмурыми озабоченными лицами...

По чёрному тоннелю стремительно нёсся поезд; я стоял, держась за поручень, и думал: «В этом городе уступят место старику в вагоне метро и переступят через человека, лежащего на земле, не заметив его или успокаивая себя мыслью: «Это, конечно, пьяница!» Жизнь проходит второпях и впопыхах. В такой спешке не обойтись без потерь. Но, главное, себя не потерять, бросившись в погоню за деньгами, удовольствиями, славой и властью! Всё суета...» Мне взгрустнулось по провинциальному Оренбургу с его спокойной размеренной жизнью. «Чем-то приходится жертвовать. И я го-

тов принести своё счастье на алтарь будущего своего народа».

К зданию московской мэрии я подошёл без пяти минут девять. В бюро пропусков при предъявлении паспорта мне выдали разовый пропуск. Турникет загорелся зелёным светом и пропустил меня. Я пришёл в приёмную заместителя мэра по внешнеэкономическим связям Бибикова А.Г.

– Андрей Геннадьевич будет с минуты на минуту, – отвечала на мой вопрос секретарша, окинув меня безучастным взглядом. Я отвлёк её от важного занятия: она раскладывала пасьянс на компьютере... В одиннадцатом часу появился Бибиков. Коренастый упитанный мужчина в самом расцвете лет.

– Доброе утро, Андрей Геннадьевич, – приветливо заулыбалась секретарша.

– Здравствуй, Настя, сделай мне кофе, – он двинулся к своему кабинету. Секретарша спохватилась:

– Андрей Геннадьевич, к вам посетитель. Его фамилия Романов...

Бибиков обернулся. Я приветствовал его.

– А, это ты, тёзка! – усмехнулся он и поздоровался со мной за руку. – Что ж, проходи...

Он уселся в кресло за письменный стол и уставился на меня своими серыми глубоко посаженными глазами.

– Как быстро время летит! Кажется, ещё вчера я видел мальчика, который читал по памяти длинное стихотворение на английском языке... А теперь передо мной молодой человек, который окончил вуз и отслужил в армии... Отец по праву может гордиться тобой!

Я перебил его:

– Он говорил, что для меня в мэрии есть работа...

– Да, – нахмурился Бибилов. – В правовом управлении одна наша сотрудница ушла в декретный отпуск. Словом, есть вакансия.

Я помрачнел:

– Стало быть, работа временная. По срочному трудовому договору?

– Со временем с тобой будет заключён служебный контракт на неопределённый срок. Думаю, тебе понятно, что это значит... Сейчас ты пойдёшь к начальнику правового управления на собеседование. Я говорил с ним о тебе...

– И как мне вас благодарить? – спросил я, затаив улыбку.

Он махнул рукой:

– Чего не сделаешь ради старого друга?! Отцу привет передавай. Надеюсь, вскоре мы с ним увидимся.

На лице этого человека играла притворная улыбка; на самом деле, он хотел, как можно скорее отделаться от меня. В его мыслях была какая-то женщина, с которой он провёл эту ночь...

Начальник правового управления Александр Иванович Староверов был человеком прямым и жёстким.

– Стало быть, после вуза, – недовольно скривил губы он.

– Вообще-то после армии, – заметил я.

– Армия ваша... здесь никому не нужна! – мрачно сказал он. – Когда можете приступить к работе?

– Хоть завтра!

– Документы при вас?

– Да.

Он позвонил по телефону:

– Алексей, зайди ко мне.

Вскоре появился высокий худощавый молодой человек.

– Знакомься. Это наш новый сотрудник Андрей Романов.

Проводи его в кадры на оформление и введи в курс дел.

Мы вдвоём вышли из кабинета.

– Строгий начальник, – заметил я с улыбкой на губах.

– Александр Иванович – мировой мужик! – возразил Алексей. – Вы его плохо знаете.

– Я его вообще не знаю, но, по крайней мере, он говорит то, что думает. А это заслуживает уважения!

– Вы пришли вовремя, – усмехнулся Алексей. – Дел неворот! После того как Ольга ушла в декрет, ни одной свободной минуты не осталось! Вам когда-нибудь приходилось участвовать в четырёх процессах за день... притом все в разных судах?

– Боюсь, что нет, – невесело усмехнулся я. И он меня об-

надёжил:

– Значит, у вас всё впереди...

Из отдела кадров мы вернулись в правовое управление.

– Пойдём, я покажу тебе рабочее место, – сказал Алексей, и я проследовал за ним. В кабинете судебно-искового отдела он показал мне стопку папок с гражданскими делами:

– Это то, что в производстве. Здесь мы и истцы, и ответчики. Поставки, строительный подряд, займы... Раньше нас было трое. Но одного перевели в отдел правовых экспертиз. Сам знаешь, идёт борьба с коррупцией.

– Да-да, что-то слышал – противодействие коррупции!

– А что ты заканчивал?

– МГЮА.

– Да, известный вуз. А я учился в МГУ! – не без гордости сказал Алексей. – Где-то работал после вуза?

– Служил в армии.

«Стало быть, опыта нет... И мне его придётся всему учить. Как его приняли? Наверняка, по блату!», – подумал он про себя и сказал вслух с улыбкой на губах:

– И как в армии?

– Проще, чем на гражданке. Жестоко, но проще! Там сразу видишь, кто перед тобой – друг или враг. А здесь поди разберись...

По пути домой я заглянул в кинотеатр. Шёл американ-

ский фильм-катастрофа о колонизации Земли пришельцами из космоса. Хлебом не корми этих американцев! В одном фильме мир погибает от падения астероида, в другом – планету сжигает вспышка на солнце, в третьем – Землю сокрушают землетрясения и наводнения. И появился на свет очередной выкидыш Голливуда... Как всегда, переполненный зал, восторженные хрустящие попкорном зрители в 3D-очках. Сюжет захватывает, спецэффекты поражают воображение, любовь на фоне гибели мира – это так романтично!

Новые технологии позволяют окунуться с головой в море иллюзии. Год от года глубина погружения всё возрастает, пока зачарованный зритель не опустится на самое дно, откуда не подняться на поверхность. А убрать спецэффекты – и, кроме зелёного фона, в фильме ничего примечательного не останется. Заурядная игра актёров...

Когда на большом экране гибли люди и падали небоскрёбы, мои мысли были о будущем: «Мне нельзя плыть по течению. Сомнениям нет места в моём сердце. Удача любит смелых... Мне нельзя превозноситься в дни побед и терять присутствие духа в дни поражений. Я должен беречь мужество и не бояться посягать на привычный ход событий. И, прежде всего, надо набраться терпения... Всему своё время! Господь не оставит меня без покровительства Своего. Придёт и для меня пора жатвы. И время собирать камни...»

Посреди фильма я встал и вышел из кинотеатра.

Сгорая от любопытства – почему человек, который ничего не делает просто так, помог мне устроиться на работу, я позвонил отцу и не без иронии сказал:

– Андрей Геннадьевич – золото! Все бы чиновники были такими.

Отец усмехнулся:

– Не обольщайся! Он не так прост, как кажется на первый взгляд!

«Согласен с тобой, папа», – подумал я и вслух проговорил:

– Не подскажешь, что он так переживает обо мне?

– Быть может, потому, что я включён в президентский федеральный кадровый резерв, и он знает об этом, – отвечал отец.

– То есть он хочет заручиться твоей поддержкой с прицелом на будущее?

– А кто его знает?! Чужая душа потёмки!

«Но передо мной с недавних пор приоткрылись двери этой тёмной комнаты, – подумал я. – И этим грех не воспользоваться...»

Начались трудовые будни...

Я вгрызался в документы гражданских дел и засыпал вопросами Алексея, встречая его злобный взгляд, в котором читал всё, что он обо мне думает...

Жизнь завертелась перед глазами в бешеном ритме судебных споров. Я помню, как изо дня в день сбегал вниз по ступеням эскалатора, чтобы успеть на очередной процесс. Вскоре я разработал собственную судебную тактику. Сначала вычислял своего оппонента в толпе собравшихся у дверей зала заседания. Потом заводил разговор о примирении, по ходу которого мне открывались все припрятанные им козыри. Если не было весомых доводов, на суде заявлял ходатайство об отложении дела – так, появлялось время, чтобы продумать правовую позицию и собрать доказательства. Такая тактика не могла обеспечить стопроцентного результата, но повышала шансы на успех. Вскоре она начала приносить плоды...

Я порой задерживался в судах допоздна и приходил домой уставшим, словно целый день стоял у станка. В выходные готовился к поступлению в МГИМО. Времени на личную жизнь не оставалось, но меня это мало тревожило.

Алексей – надо отдать должное этому коренному москвичу – передавал мне самые безнадежные дела! Я еженедельно отчитывался перед начальником правового управления о ходе своей работы. И всякий раз, когда мне не удавалось выиграть процесс, он дотошно разбирался в деталях дела, чтобы найти мои ошибки, и повторял:

– Надо лучше работать, Романов... Лучше работать!

Однажды он вызвал меня и, разглядывая моё личное дело, спросил:

– Сколь свободно ты владеешь английским языком?

Я пожал плечами:

– Говорю, пишу, читаю...

– Кстати, что тебя связывает с Андреем Геннадьевичем?

– Он старый товарищ моего отца, – честно признался я.

– Нужен человек со знанием английского языка. Он рекомендовал тебя...

– Что за работа?

– Командировка в Берлин на выставку строительной техники.

– В качестве переводчика?

– Твои юридические услуги могут понадобиться на переговорах и при заключении контракта.

В составе московской делегации я бродил по павильонам берлинской выставки. На другой день переместились в офисное здание, где начались переговоры. По-немецки я не понимал и страдал от скуки. На третий день я увидел текст контракта с переводом на русский язык и составил протокол разногласий. Бибииков торопился, а к моим замечаниям отнёсся без интереса.

– Андрей, всё это несущественно, – раздражённо проговорил он. – Мы сегодня подписываем контракт и улетаем в Москву...

– Мы чересчур спешим, заключая этот контракт, – возразил я. – Уверен, можно добиться более выгодных условий. Позвольте мне поговорить с ними.

– Ты даже немецкого не знаешь! – возмутился Бибиков.

– Уверен, мы найдём общий язык. Вы ничем не рискуете – они со своей стороны уже подписали контракт! – заметил я и пристальным взглядом окинул Бибикова. Я заглянул в глаза его и, кажется, проник в глубину души его, – туда, где притаилось нечто тёмное и неведомое. Внезапно он вынул ручку из кармана и подписал протокол разногласий.

– Действуй, Андрей, но учти, что сегодня вечером у нас самолёт в Москву.

Я обнадёжил его:

– Всё будет хорошо, Андрей Геннадьевич.

Я встретился с юристом немецкой компании, который представился Себастьяном, и по-английски объяснил ему, что контракт будет подписан только с учётом протокола разногласий. Он недоумённо уставился на меня:

– Кажется, ещё вчера мы обо всём договорились.

– Нет, вы меня не поняли, Себастьян, – добавил я. – Протокол разногласий – это мелочи. Нам нужна скидка в двадцать процентов на ваш товар. Только на таких условиях будет подписан этот контракт.

Немец изменился в лице:

– Я не принимаю таких решений!

– Проводите меня к вашему руководству и подготовьте новый проект договора, – приказал я, не сводя с него взгляда. Он, молча, повиновался. Так, я оказался в кабинете финансового директора немецкой компании.

– Кто вы? – спросил он по-английски.

– Я представитель российской стороны.

– Господин Бибиков, – вы от его лица ведёте переговоры?

– Совершенно верно.

– Цена контракта не может быть изменена, – заявил финансовый директор, выслушав меня. – Мы себе в убыток не работаем!

Мне пришлось импровизировать:

– Вы подумайте, гер Зоммер, что эта уступка окупится сторицей в будущем: московская мэрия готова к долгосрочному сотрудничеству с вашей компанией. И учтите, гер Зоммер, я знаю о вас очень многое... Хотите, чтобы ваши секреты стали известны руководству этой компании, которая славится своими пуританскими нравами?

– Вы блефуете! – усмехнулся финансовый директор, сохраняя видимое спокойствие, но душа его испуганно металась, а мысли неиссякаемым потоком лились и содержали немало любопытных сведений.

Я улыбнулся:

– Вы изменяете жене со своей секретаршей, – я её видел: так себе женщина! А ваши визиты в публичный дом на Вильгельмштрассе? Как это примитивно с вашей стороны! Хо-

тите, чтобы компрометирующие снимки были размещены в Интернете для всеобщего обозрения? Понимаете, что тогда вашей карьере настанет конец?

«Андрей, ты опустился до шантажа!» – прозвучал с укором голос в моей голове, и я сказал себе: «Довольно!»

Финансовый директор мертвецки побледнел:

– Что я должен делать?

– Поставьте свою подпись под контрактом, который вам принесёт Себастьян, и никто не узнает о ваших маленьких слабостях...

Я протянул Бибикову подписанный немецкой стороной контракт со сниженной на двадцать процентов ценой. Он удивился:

– Как тебе это удалось, Андрей?

Я усмехнулся:

– Как и обещал, нашёл с ними общий язык!

До самолёта оставалось немного времени, которое я потратил на осмотр городских красот. Прошёлся по улице Унтер ден Линден, взглянул на Бранденбургские ворота, сфотографировал отреставрированный Рейхстаг и... вспомнил о войне.

Перед мысленным взором моим предстало развевающееся красное знамя. Я подумал о той страшной жертве, которую советский народ принёс на алтарь Победы. Пришли на

ум строчки песни из кинофильма «Белорусский вокзал»:

*Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех – мы за ценой не постоим.
Одна на всех – мы за ценой не постоим...*

Вечная память павшим героям той войны! Войны, что унесла жизни тридцати миллионов советских граждан, пожертвовавших собой во имя будущего своей страны. Страны, которая вскоре прекратила своё существование. Их потомки избрали иные ценности, живут одним днём, не думая ни о прошлом, ни о будущем своей страны...

Красив Берлин! Однажды этот город покорило сердце человека, посвятившего себя служению Родине на полях незримого фронта, человека, который стал правителем великой страны...

В тот день я открыл в себе новую способность – силой мысли повелевать людьми. Я понимал, что это чудовищное оружие, к которому следует обращаться лишь в самых крайних случаях, дабы не лишиться Божьей милости.

Глава вторая. Первая встреча

Прошло немного времени...

Я поступил в МГИМО на вечернее отделение. Отец с семьёй переехал в Москву, получив назначение в министерство здравоохранения и социального развития. Я изредка навещал их и, по-прежнему, разрывался между судами...

Бибииков, как этого и следовало ожидать, присвоил все плоды моей берлинской победы себе. Я получил первый щелчок по носу! Казалось, ничего в моей жизни уже не изменится, и я обречён остаться рядовым юристом московской мэрии. Но, по счастью, мой звёздный час был ещё впереди...

В те годы шла борьба с коррупцией. Тем не менее «посадки» чиновников были большой редкостью, зачастую репрессии сводились к одним увольнениям. Но однажды случилось почти что чудо – страну потрясло известие о задержании министра путинского правительства с поличным при получении взятки. Этот чиновник входил в Высший совет «Единой России», и его задержание бросало тень на всю партию! На бюро было принято решение – спасти товарища по партии от тюрьмы. И мэр перешёл к решительным действиям...

Александр Иванович вызвал нас с Алексеем в свой кабинет.

– Хотите послужить Родине, сынки? – улыбнулся он. – Сергею Семёновичу нужен человек для личного поручения...

– Какого? – осведомился Алексей.

– Слышали об аресте министра? Сергей Семёнович утверждает, что тот ни в чём не виноват. Надо разобраться в этом деле.

– Вообще-то у нас другая специализация, – заметил Алексей. – Я никогда не участвовал в уголовных процессах. К тому же у меня нет адвокатского статуса.

Я решил вмешаться в разговор:

– Алексей, но мы ведь можем участвовать в процессе совместно с адвокатом!

– А у тебя есть опыт ведения подобных дел? – повысил голос Алексей.

– Грамотная обработка свидетелей и потерпевших порой важнее опыта, – возразил я. «Тебе и карты в руки!» – подумал с усмешкой на губах Алексей.

На другой день я встретился с министром, выпущенным из следственного изолятора под залог, и вот, что услышал от него:

– Небезызвестный господин Райхман, Александр Соломонович, совладелец ряда металлургических заводов, пришёл ко мне за содействием на тендере. Он протянул конверт заявки на участие в конкурсе, утверждая, что его условия контракта – самые выгодные для министерства. Из конверта вы-

пали пачки долларов, и я совершил глупость – взял в руки деньги, чтобы кинуть их в наглую еврейскую рожу... В этот миг в кабинет ворвался спецназ, я попал под объективы видеокамер. Деньги выпали на стол, а на моих руках остались видимые под ультрафиолетом следы краски и надпись «взятка». В поведении этого господина было слишком много странностей, которым я не придавал значения. Теперь он обвиняет меня в том, что я вымогал у него взятку.

Я взгляделся в лицо министра и понял, что этот человек, хотя и с весьма тёмным прошлым, теперь говорит правду.

– Судя по всему, это была спланированная акция, – заметил я. – Какие у вас отношения с этим Райхманом?

Министр пожал плечами:

– Пару раз пересекались в Союзе предпринимателей, когда я ещё не работал в Правительстве.

– Как вы думаете, почему он решил подставить вас?

– Не знаю, – развёл руками министр.

Этот разговор проходил в кабинете мэра. Министр был бледен и выглядел растерянным.

– Мне нужна доверенность от вас, телефон вашего адвоката и контакты этого миллиардера с Рублёвки...

– Сколь мне известно, – улыбнулся министр, – он живёт в Москве.

– Да без разницы! Пусть хоть в Ново-Огарёве... Мы его выведем на чистую воду!

– Андрей, а мне нравится ваша решимость, – засмеялся министр. – С такой фамилией вы далеко пойдёте!

– Я не родственник тем Романовым... Но я всегда добиваюсь своей цели! Обещаю, что вы не сядете в тюрьму. По крайней мере, на этот раз...

Министр с мэром удивлённо переглянулись.

Так, я начал распутывать этот клубок, который окончится международным скандалом...

На другой день я наведалься в головной офис группы компаний, председателем совета директоров и мажоритарным акционером которой был господин Райхман. Скоростной лифт взлетел на двадцатый этаж стеклянной башни московского делового центра. Белокурая секретарша в приёмной с улыбкой приветствовала меня, но, едва узнав, по какому я делу, изменилась в лице:

– Не знаю, сможет ли Александр Соломонович принять вас. У него плотный график и много деловых встреч сегодня...

– Елена, – я прочитал имя на бейджике и заглянул в глаза девушки, – вы ведь постарайтесь, чтобы он принял меня сейчас?

Секретарша засветилась от счастья и исчезла за дверью кабинета шефа. Вскоре она появилась и сказала:

– Прошу вас – проходите. Александр Соломонович ждёт вас.

Я оказался в просторном кабинете с большим панорамным окном, в которое открывался вид на центр российской столицы. Бородатое лицо уставилось на меня остро отточенным взглядом маленьких глубоко посаженных глаз.

– Что вас привело ко мне? – гневно спросил господин Райхман.

– Я представляю интересы нашего общего знакомого – министра. У меня к вам ряд вопросов, господин Райхман.

– Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы, – сказал, как отрезал, он.

– Наша беседа не отнимет у вас много времени. Чего вы так волнуетесь, если вам нечего скрывать?

Тогда господин Райхман указал рукой на кресло и мрачно проговорил:

– Итак, я вас слушаю...

– У меня есть все основания полагать, что господин министр был обвинён ложно. Я знаю, что это была провокация, и знаю, кто за ней стоит. Вы, господин Райхман, пойдёте под суд, а мой доверитель будет оправдан.

– Мерзавец, вон отсюда! – взревел Райхман со звериным оскалом на лице. – Я вызову охрану...

В душе он перепугался не на шутку и выдал себя с потрохами. Я узнал, что за люди стоят за ним, и догадался о цели, которую они преследуют.

– Будет лучше, если вы на суде по всём признаетесь, гос-

подин Райхман. Учтите, это государственная измена! И в ваших интересах выслушать меня до конца.

Он оторопел и опустился в своё высокое президентское кресло:

– Откуда вы знаете?

Я задумался и проговорил вслух:

– Стало быть, у них компромат на вас... И министр, и вы, господин Райхман – всего лишь пешки в чужой игре, невольные жертвы, а их цель – свалить Путина!

Я вышел из московской высотки и позвонил министру:

– Нам с вами надо поговорить. Это очень важно!

Мы встретились в кафе неподалёку от мэрии, он выслушал меня, и тень сомнения мелькнула в глазах его:

– Райхман сам вам об этом сказал?

– Он проговорился... – уклончиво отвечал я. – Вы должны эти сведения донести до Председателя Правительства и директора ФСБ. Органы безопасности, как минимум, должны провести проверку.

Министр покачал головой и мрачно усмехнулся:

– Не знаю, Андрей. Я отстранён от должности на время расследования... Едва ли это возможно при таком раскладе! Но, я надеюсь, вы записали его слова на мобильный телефон с микрофоном... Не так ли?

Он поглядел на меня с надеждой, но я отрицательно кач-

нул головой:

– Нет, господин министр.

И он тотчас упал духом:

– Тогда как вы намерены доказать мою невиновность?

– Надеюсь, что он сам всё поведает суду...

«Всё пропало», – подумал обречённо министр.

На первое заседание потерпевший Райхман не явился, и судебное разбирательство было отложено. Дело о коррупции в российском правительстве получило большой общественный резонанс, поскольку бросало тень на премьер-министра Путина, который ранее был выдвинут партией власти в качестве кандидата на предстоящих президентских выборах...

Неделю спустя чёрный мерседес господина Райхмана остановился у здания суда, миллиардер с помощью охраны протиснулся сквозь толпу журналистов, которые засыпали его вопросами... В зале заседания он сел на сторону обвинения и, встретившись со мной взглядом, мертвецки побледнел.

– Встать, суд идёт! – прозвучал голос секретаря.

– Слушается дело... – судья начал заседание и затем передал слово государственному обвинителю. Пока прокурор зачитывал обвинительное заключение, я через зал гипнотизировал господина Райхмана. У него задёргалась левая бровь,

и лицо перекосило от нервного напряжения; он вдруг вскочил с места и закричал неистово:

– Я во всём признаюсь. Меня заставили!

Удивлённый шёпот пробежал по залу.

– Успокойтесь, потерпевший, – строго выговорил судья, – и расскажите по порядку: кто и что вас заставил сделать?

– Сотрудник британского посольства Ричард Стоун, – говорил Райхман дрожащим голосом. – Он шантажировал меня и угрозами склонил работать на разведку МИ-6. Он говорил, что не будет предавать огласке компрометирующие материалы, если я инсценирую вымогательство взятки министром российского правительства. Тогда я обратился в полицию, мне выдали меченые деньги. Потом пришёл на приём к министру и предлагал ему деньги, но он отказался...

Адвокат Генрих Падва шёпотом поздравил министра с победой, в зале поднялся переполох, глаза репортёров загорелись: «Это сенсация!» Потом прокурор взял слово и отказался от обвинения, министр был оправдан.

В отношении господина Райхмана вскоре будет возбуждено уголовное дело, а ФСБ выйдет на след разведгруппы МИ-6, действовавшей под дипломатическим прикрытием. Сотрудников британского посольства объявят персонами нон грата и выдворят из страны...

Когда известный адвокат купался в лучах славы перед объективами телекамер, я вышел из здания суда никем не

замеченный...

Дома разделся, лёг в постель и вскоре заснул (накануне была бессонная ночь). Но спустя четверть часа раздался телефонный звонок. Отец поздравлял меня с победой:

– Я видел тебя по телевизору и сразу понял, что это твоя заслуга.

– Нет, это всё адвокат. У меня на сей раз была роль второго плана, – мрачно усмехнулся я.

– Не унывай, будут и у тебя первые роли! Приходи к нам на выходные.

Отец получил служебную квартиру в Москве. Он был шулака до мозга костей и отдавал себя работе без остатка. И вот сбылась мечта некогда молодого советского чиновника о покорении столицы! Но почему-то я не радовался за отца...

Теперь я знал, что такое Москва. Это город возможностей, но прав был мой загадочный попутчик подполковник Ларионов, когда говорил провидчески: в Москве ты познаешь горечь одиночества! В этом городе я стал замкнут и необщителен. Я заглядывал в глаза людей, движимых всецело своими интересами, и меня охватывали сомнения. Блеск громоздких зданий, шуршание купюр и мечты о красивой жизни дурманят, опьяняют и лишают собственной воли. Люди, не задумываясь, отдаются в рабство за стекляшки как туземцы

времён европейской колонизации. В Москве порядочность сродни аномалии, сбою в компьютерной программе. Всякий гость столицы вынужден приносить в жертву частичку себя в расплату за приобщение к цивилизации, которая суть дворец для плоти и тюрьма для души...

Они с гордостью называют себя москвичами, с пренебрежением относятся к своей стране, которой не знают, поскольку сидят в своём каменном мешке или путешествуют за границей... А жители глубинки мечтают о переезде в столицу. Самый дорогой город мира манит, словно золотая жила Клондайка! Деревня вымирает, закрываются сельские школы, уезжает в города молодёжь, одни старики остаются, чтобы дожить свой век на родной земле...

После Октябрьской революции была провозглашена диктатура пролетариата, и жизнь рабочего люда стала примером для подражания. Индустриализация подхлестнула рост городов. Крестьян прикрепили к колхозам, чтобы обслуживать нужды промышленности, и вплоть до 70-х годов своих паспортов сельчане не видели. С освобождением от колхозного рабства деревня начала разваливаться. В городах были все блага развитого социализма: универмаги, кинотеатры, дома культуры и отдыха, – которых не знал житель глубинки! Радости тихой деревенской жизни приносились в жертву удобствам и развлечениям городской жизни. Но путь к сомнительному материальному благосостоянию пролегает через треволнения, беготню и сердечно-сосудистые заболевания.

ния. Коротка жизнь горожанина! Не слишком ли высока цена за комфорт? «Привычка свыше нам дана: замена счастьем она». Эти слова Пушкина я вспоминаю всякий раз, как думаю о жизни в городе, где нет свободы, где обман подстерегает на каждом шагу, где на улицах и в сердцах людей царит суета, где всё искусственное, в том числе и люди, прячущие лица за масками на работе и дома. Нет чистого воздуха, родниковой воды, парного молока, домашних продуктов и настоящей подлинной природы...

В тот год моя сестрёнка Алёна училась в первом классе московской гимназии; Аня была во второй раз беременна.

– Кого ждёте? – спрашивал я с улыбкой на губах.

Она просияла:

– УЗИ показало – будет мальчик.

– Всегда мечтал о младшем брате! Я рос домоседом, без друзей, мама говорила, что у меня особое предназначение... И я изучал языки. Учил Библию...

Аня посочувствовала мне:

– У тебя, наверное, было трудное детство!

Я задумался:

– Тогда я многого не понимал. Мне кажется, она сгорела в заботе обо мне. Я до сих пор чувствую свою вину перед ней...

– Андрей, давай, не будем о грустном, – улыбнулась Аня, – расскажи лучше о работе. Мы видели тебя мельком в выпуске новостей... Это целое событие!

Я отшутился, не желая говорить об этом процессе:

– По секрету скажу только тебе: министр – тот ещё пройдоха!

Она засмеялась:

– Андрей, не пора ли тебе подумать о продолжении рода? Как у тебя с девушками?

– На девушек времени не остаётся, – улыбнулся я. – Как в песне поётся: «первым делом, первым делом – самолёты»! Работой заваливают в мэрии. МГИМО. Этот процесс... Честно говоря, измотал он меня!

«И всё напрасно», – подумал я с досадой.

– У тебя есть судебная практика. Почему бы тебе не перейти в частный сектор, где более высокие зарплаты? – спросила Аня. Я заглянул в глаза её и понял подоплёку этого вопроса. «Все женщины одинаковы: кроме денег и всего, что с ними связано, никаких других забот!» – подумал я и сказал вслух:

– Зарплаты мне на жизнь хватает, дело в другом... Я чувствую в себе недюжинные силы, которые расходую в холостую!

В комнату заглянул отец и прервал нашу беседу:

– Прошу всех к столу.

Он ухаживал за своей беременной женой и время от вре-

мении сам хозяйничал на кухне. Я скривил лицо при виде рыбы, но, будучи в гостях, угощения не выбирают.

Разговор за столом, как этого и следовало ожидать, зашёл о деле министра.

– Что случилось? Почему обвинение рассыпалось? – любопытствовал отец.

Я недоумённо пожал плечами:

– Потерпевший изменил показания...

– Говорят, на него надавили, – осторожно заметил отец.

Я скривил губы в усмешке:

– Одно могу сказать – министр не виновен. А надавили или нет... Это уже другой вопрос! Главное – восторжествовала справедливость. И, я надеюсь, что ФСБ пробудится от бюрократической спячки и нанесёт удар по британской агентуре в Москве... Путин – слишком неудобный политик для Запада. В Вашингтоне и Лондоне на всё пойдут, чтобы не допустить его третьего срока!

Отец задумчиво поглядел на меня:

– Стало быть, ты помог ему удержаться у власти...

Я слабо улыбнулся:

– Ну, почему я? Просто так сложились обстоятельства! Люди негодуют: почему не осудили взяточника? Что-то тут нечисто! Народ не доверяет чиновникам... И, увы, не без оснований! В наши дни служба стала разновидностью бизнеса. А денег много не бывает... Ищут они способы преумножить

свои капиталы. А люди и сами подчас несут в конверте благодарность начальнику, от которого зависит скорейшее рассмотрение насущного вопроса... Так, на Руси было испокон веков, ещё в эпоху кормлений. В коррупции виновато всё общество с его взглядами на жизнь. Разруха в головах! Мы потеряли это поколение молодежи, но дети, которые родятся в следующие годы. В двадцатые, тридцатые... Мы должны сделать всё, чтобы воспитать их другими! С ними нам строить новую Россию и защищать её...

Нет, не изменить взрослого человека! Горбатого только могила исправит. Цивилист Медведев уголовное законодательство пытается вывести на европейский уровень. Он не понимает, что люди, вышедшие из преступной среды, признают лишь закон силы. Смертный приговор – подчас единственный выход для сильного правителя. Государство ограничило себя в средствах, идя на поводу у Совета Европы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.